

Джош МакДауэлл

Томас Уильямс

В поисках определенности

Джош МакДауэлл

Томас Уильямс

В поисках определенности

Josh
MCDOWELL
MINISTRY

Перевод: Макаров В. М.
Редакция: Макарова Э. Б., Филипчук С.В.

© Джош Д. МакДауелл, Томас Уильямс, 2003
ISBN 0-60-098011-2

Все права защищены международным законодательством об авторских правах. Настоящая книга, ни целиком, ни частично не может быть воспроизведена никакими средствами, включая электронные, механические, фотографические, звукозаписывающие и другие без предварительного соответствующего разрешения издателя (за исключением кратких цитат в специальных книжных обзорах).

Originally published in English under the title of
In Search of Certainty
Copyright © 2003 by Josh D. McDowell and Thomas Williams.
All rights reserved.

© 2007 by Operation Mobilisation Greater Europe for the Russian edition.
Translated by permission. All rights reserved.
Published in cooperation with Josh McDowell Ministries,
Operation Mobilisation Greater Europe and Svichado Publishing.

Практически все книги приходят к читателю благодаря усилиям многих людей. И в этом смысле наша книга не исключение. Мы хотим выразить свою искреннюю благодарность тем, кто внес значительный вклад в то, чтобы книга получилась полезной.

Дэйв Беллис, наш давний друг и помощник, познакомил нас друг с другом, провел подготовительную работу, направлял сотрудничество авторов и издателя, организовывал ход работы, содействовал творческому росту проекта.

Линн Вандерзалм (издательство «Tyndale House») оказала редакторскую помощь и была готова трудиться с авторами над каждым предложением и словом, чтобы добиться нужного значения.

Эд Стюарт своими советами значительно способствовал удобочитаемости некоторых теоретических мест в тексте.

Рон Бирс, Кен Питерсон и Джон Фаррар (издательство «Tyndale House») осуществляли координацию и менеджмент.

Д-р Уильям Лейн Крейг, Кит Кокс и д-р Рави Закариас обеспечили рецензирование, глубокий анализ философских и теологических понятий, представленных в книге.

Джин Шелбурн, Пэт Флинн, Томми Уильямс, Сэм Минз и Джей Лэтэм — служители, рядовые верующие, учителя, ученые и даже один агностик просматривали рукопись на разных этапах ее подготовки и давали ценные советы по ее улучшению.

Кирк ДуПонс (UDG Designworks) сделал прекрасный проект обложки.

Все сотрудники издательства «Tyndale House» выполнили на первый взгляд незаметную, но очень важную работу — редактуру, макет, дизайн, печать и маркетинг.

Мы очень благодарны всем вам.

Джош МакДауэлл
Томас Уильямс

Есть ли разница, во что я верю?

Однажды я выступал на молодежной конференции. Передо мной сидели не просто старшеклассники и студенты, — участники были отобраны лично их пасторами. Меня интересовало, насколько тверды их христианские убеждения. И в какой-то момент, с радиомикрофоном в руке, я сошел в зал. Меня окружали живые, радостные лица.

Подойдя к одному молодому человеку, я показал ему свою Библию и спросил:

— Ты веришь, что Библия — Слово Божье?

— Да, — ответил он с полной убежденностью.

— И что Библия — это истина? — продолжал я.

— Да! — прозвучал ответ.

Тогда я спросил:

— И можно быть уверенным в достоверности изложенного в ней?

— Конечно! — уверенно ответил он.

— А почему? — тихо спросил я его.

Он взглянул на меня, пожал плечами и сказал, что это трудный вопрос.

Те же вопросы я задал другому студенту. Он тоже был убежден, что Библия — это Слово Божье. Но он тоже не смог сказать, почему он верит Библии.

То же повторилось с остальными. Все подтвердили свою веру в Библию, но никто не смог объяснить, *почему* он в нее верит. Эти молодые люди были цветом своей деноминации, но каждого из них поставил в тупик вопрос, на чем основывается его вера.

На следующее утро молодой человек (назову его Дэррен) подошел ко мне, сияя от радости.

— Я знаю ответ, — заявил он.

Я не сразу понял, что он имеет в виду.

— Ответ на что? — спросил я его.

— На вопрос, почему Библия — это истина.

— Хорошо, — кивнул я, — почему же?

— Потому что я в это верю, — ответил Дэррен.

Я хотел убедиться, что правильно его понял:

— Как ты сказал?

Показав свою Библию, он повторил:

— Это истина, потому что я в это верю.

Он так радовался, как будто выиграл в лотерею «Феррари». Окружающие нас молодые люди улыбались и кивали, с энтузиазмом выражая с ним согласие. Итак, ответ, казалось, был найден.

Тогда я задал ему следующий вопрос:

— Значит Библия — истина и для других учеников в твоей школе?

— Да, если они в это верят, — так ответил Дэррен.

Пристально посмотрев ему в глаза, я сказал:

— Знаешь, в чем различие между нами? Для тебя Библия — это истина, потому что ты в это веришь. А я верю Библии, потому что в ней истина.

Знание и вера: что предшествует чему?

На первый взгляд, в том, что я сказал этому молодому христианину, не больше смысла, чем в рассуждениях о том, что было раньше, — курица или яйцо. Большинство из нас с удовольствием ест и то, и другое, и какая разница, что было раньше? Так же вера и истина идут рука об руку в наших отношениях с Богом. Имеет ли значение,

что идет раньше? Действительно ли одно важнее, чем другое?

Да, то различие в подходах к вере и истине, о котором я сказал, действительно имеет значение. По сути, эти подходы противоположны и несовместимы. Я утверждаю, что Библия — это истина несмотря на то, что кто-то так не думает. Дэррен полагает, что Библия — это истина для него и его друзей, потому что они ее таковой считают. Я утверждаю, что истина непреложна, и вера — наш отклик на нее. Он же придерживается мнения, что истинно то, во что мы верим. Я уверен, что истина абсолютна. С точки зрения Дэррена, истина произвольна. Я говорю, что истина есть объективная реальность, существующая независимо от нашего сознания, и она является истиной для всех, всегда и везде. Дэррен думает, что истина изменчива и приспособляема к нашим внутренним убеждениям.

Различие между этими двумя точками зрения не теологическая абстракция. Оно имеет серьезное практическое значение. От нашего представления о том, что такое истина, зависит, обретет ли наша жизнь определенность.

Молодые люди, только начинающие жить, полагаются на свои поверхностные взгляды, потому что перед ними вся жизнь, и они слишком заняты осуществлением своих надежд и планов, чтобы анализировать свои убеждения. Но так будет не всегда. Раньше или позже реальность подвергнет испытанию позицию каждого. И в этот момент от убежденности — если она не основана на истине, — не останется ничего.

В современном мире людей больше волнует неопределенность, чем истина. Истина для них — это не более чем абстрактная идея, никак не связанная с повседневной жизнью. Чувство уверенности же для них очень важно, поскольку дает ощущение безопасности. Оно может быть совершенно необоснованным, потому что люди могут быть уверены в чем-то, что очень далеко от истины. И могут сомневаться в том, что является истиной.

Не разобравшись в своих взглядах, вы можете быть в чем-то уверены какое-то непродолжительное время, но эта уве-

ренность покинет вас так же легко, как и пришла, если в основе ее не лежит абсолютная истина. Дело не в ощущении уверенности, а в знании истины. А познав абсолютный характер истины и будучи убеждены в том, что верят в истину, люди обретают уверенность, а их жизнь — определенность.

Пример Дэррена — не отдельный случай. Не признают абсолютного характера истины не только молодые люди. На другой конференции я познакомился с пастором, которого мне представили как выдающегося, умнейшего и лучше всех разбирающегося в богословии служителя деноминации. Когда я задал ему тот же вопрос, который задавал Дэррену, я получил точно такой же ответ: «Потому что я имею веру». Похоже, руководители и учителя нашей молодежи придерживаются взгляда, что вера порождает подходящую для человека истину.

Эта идея характерна не только для молодого поколения, но для всего американского общества. Ничего удивительного нет в том, что наши дети считают, что сами должны определить, что для них правильно. Мир убедил их, что истина — это то, что мы считаем истиной.

Так было не всегда. Двести лет назад большинство людей считали, что веруя в Бога и доверяя Библии человек познаёт истину. Затем, в XVIII веке, в эпоху Просвещения место веры занял человеческий разум как более надежный путь к истине. Существование Бога и авторитет Библии стали подвергаться сомнению более открыто. Просвещение дало начало модернизму, согласно которому выводы науки являются единственным средством определения объективной истины, и только наука может устанавливать границы познаваемого. Бытие Бога вообще оказалось под вопросом, так как его нельзя было доказать научно. Существование всего живого на земле стало объясняться как результат не творения, а эволюции.

Постмодернизм: истина для каждого своя

В последние 2-3 десятилетия модернизм был вытеснен постмодернизмом, как господствующим образом мышле-

ния, оказывающим воздействие на культуру, сознание и науку. Постмодернизм утверждает, что разум и наука не могут помочь в познании абсолютной истины (истины для всех, везде и всегда), поскольку такая истина не познаваема или не существует. Согласно постмодернистской точке зрения опыт надежнее, чем разум. Человеческий разум затуманен и засорен мировоззрениями, предрассудками, окружением, воспитанием, — вследствие всего этого он перестал подходить как средство постижения абсолютной истины. Поэтому правильнее говорить о *создании*, а не об *открытии* истины. Собственный опыт человека определяет его нужды и дает ответы на них. Каждый человек должен иметь свою философию как основу мышления и системы ценностей, то есть, сам должен создавать подходящие для него истины. По сути дела, постмодернисты говорят: «Если это — истина для вас, значит это истина в той мере, в какой нужно. Никто не имеет права подвергать сомнению то, что вы определили как истину для себя».

Вот чем объясняется позиция Дэррена. Настроения в современном обществе формируются постмодернизмом, хотя многие и не знают, что это слово означает. Молодые люди растут под воздействием мнения, что каждый человек имеет право сам определить для себя, что правильно и что есть истина.

И так считает не только молодежь. Так думают и многие взрослые. И многие христиане не желают провести четкую черту между правильным и неправильным, и заявить, что истина абсолютна. Очень немногие люди сейчас задумываются о том, почему они придерживаются какой-то точки зрения, — они просто думают так, как их приучила наша культура. Они приняли постмодернистские взгляды «по умолчанию». Такая позиция для них удобна, они не задаются вопросом, насколько она согласуется с истиной, и вообще должна ли она с ней согласовываться. Они могут вообще не осознавать значимость истины как таковой. Если мы проявим настойчивость, интересуясь их взглядами, они могут предложить нам объяснение, близкое к мистицизму Нового Века: «Если вы чего-то хотите очень силь-

но, вселенная (или Бог) ваше желание поддержит». Они считают, что уверенности присуща сила, способная привести реальность в соответствие с верой. Так дети не сомневаются в том, что найдут под елкой подарки от Санта Клауса.

Давайте четко сформулируем положение, из которого мы будем исходить: абсолютная истина есть объективная реальность, существующая независимо от того, что мы о ней думаем и как мы ее ощущаем. Эта реальность истинна для всех людей, всегда и везде. Истина реальна и постоянна, — верим ли мы в нее или не верим, — как реальна и постоянна гора Эверест, независимо от того, взбираемся мы на ее вершину или нет. Вопреки постмодернизму, истину мы не *творим*, а *открываем*. Вера не определяет реальность, — реальность существует независимо от нашей веры. Веря в истину, мы лишь приводим свою жизнь в соответствие с ней.

Что есть истина для тебя?

Если бы вера определяла реальность, какое значение имели бы человеческие взгляды?

Для того, кто верит в Христа и Библию, истиной стало бы христианство. Для того, кто верит в Коран и Мухаммеда, истиной стал бы ислам. И так с любой религией, сектой или культом. Если бы действительность зависела от веры, богом для каждого был бы тот бог, в которого ему хочется верить. Для атеиста реальностью была бы вселенная без богов. В постмодернизме все эти «истины» равны, так как истинно все, во что человек хочет верить. Если что-то — «истина для тебя», значит, это истина.

Но зададим себе вопрос, действительно ли в формуле «*истина для тебя*» есть смысл? Может ли истина существовать как реальность только для тех, кто в нее верит, и ни для кого больше? Представьте, что вы с другом обнаружили на столе яблоко. Ваш друг считает, что в нем полно червей, а вы верите, что это хорошее яблоко без единого червя. Способны ли ваши разные мнения создать

две различные истины, которые каждый из вас испытал бы как реальность? Нужно яблоко разрезать, и вы увидите, есть в нем черви или нет. И обнаружится ошибочность либо вашей «истины», либо «истины» вашего друга. Истинное состояние яблока не зависит от ваших мнений.

Когда дело касается конкретных жизненных вопросов, никто не полагается на веру. Никто не купит подержанную машину, основываясь на горячих заверениях продавца, что она в прекрасном состоянии. Мы захотим, чтобы ее проверил хороший специалист-автомеханик, или потребуем гарантии. Мы хорошо понимаем: наша уверенность в хорошем состоянии машины не заставит ее ездить. Если незнакомый человек предложит вам таблетку, которая навсегда излечит вас от головных болей, разве вы ее выпьете? Мы принимаем лекарства, если их прописал нам хороший врач, и если мы купили их в аптеке, имеющей лицензию. Не имеет никакого значения, насколько мы *верим* в их действенность, или хотим, чтобы они подействовали. Мы знаем, что неподходящие таблетки не только не помогут, но и повредят нам.

То есть, принимая решения касательно нашей практической жизни, мы тщательно следим за тем, чтобы истина опережала веру. Когда речь идет о нашей жизни и здоровье, мы не доверимся своим надеждам, мечтам, пожеланиям или представлениям о том, что произойдет. Наши решения обусловлены надежной, объективной, поддающейся проверке истиной. В материальном мире формула *«истина для тебя»* не действует. Для нас важна истина *объективная*.

Истина о религиозном опыте

Почему мы отказываемся от объективности, когда дело касается религии? Почему люди вообще и наш Дэррен в частности сосредотачиваются на акте веры, сводя к минимуму вопрос о том, во *что* они верят? Судя по всему, они не относят религию к реальному миру. Религия в их представлении — нечто неясное, абстрактное, неуловимое и непостижимое. Для них она не реальна, — в отличие от

покупки машины или приема лекарства. Они разграничивают практическую действительность и отдаленные абстракции, которые нет необходимости подвергать строгой проверке. И в этом их ошибка. На самом деле эти абстракции, представляющиеся непознаваемыми, значительно более важны для человека, чем то, съест ли он червяка. Считая «истиной» неправильное представление о Боге, человек рискует значительно больше, чем когда принимает не ту таблетку. Если действительно существует Бог как личность, как абсолют и как объективная реальность, Он требует не менее серьезного отношения, чем покупка машины. Ведь от отношений с Ним в конечном итоге зависит наша участь.

Большинство неверующих, которые обращаются к религии, меньше всего озабочены истиной или своим будущим. Их волнуют более насущные вопросы. Они хотят найти решение своих проблем, силу в моменты слабости, постоянство в отношениях с другими людьми. В несчастном и неопределенном мире они ищут чего-то такого, в чем можно быть уверенным. И они подбирают себе систему верований, которая, по их мнению, отвечает их неотложным потребностям, не задумываясь над тем, насколько она согласуется с истиной. Например:

У Марии проблемы с двумя детьми-подростками. Последователи псевдохристианского культа рассказывают ей, какое внимание уделяется в их церкви семьям и молодежи. Для Марии, которая работает не покладая рук, чтобы обеспечить семью, все церкви одинаковы. И она присоединяется к той, которая обещает ей помощь, воспитывающей детей без отца. Для нее неважно, что учение этого культа не имеет ничего общего с истиной.

У Рэндолла ответственная нервная работа. Врач советует ему заняться йогой и медитацией, чтобы нормализовать давление и перестать нервничать. Рэндолл разговаривает с коллегой, который, судя по всему, успешно решил подобные проблемы. Тот объясняет это техниками, которым его научил гуру. И

Рэндолл присоединяется к группе этого духовного руководителя, исповедующего индуизм.

Такие люди, как Мария и Рэндолл, будут придерживаться вероучений, которые им подходят. Они доверятся всему, что обещает им облегчить их ношу, решить их проблемы, дать им уверенность в завтрашнем дне, — не задумываясь о том, есть ли реальная основа у этих обещаний. А не найдя ожидаемого мира и облегчения, они с готовностью примут другую «истину», которая, по их мнению, лучше удовлетворяет их нужды. Но каким бы искренним ни было их мнение, уверенность в конце концов покинет их, физические и эмоциональные проблемы останутся неразрешенными, а отношения неналаженными. Мало просто набрать телефонный номер, — нужно, чтобы на другом конце кто-то ответил. Недостаточно просто верить во что-то, — надо, чтобы вера была на чем-то основана. Основана не на нашем желании, а на объективной реальности. Только один бог может удовлетворить наши нужды, — это действительно существующий Бог, с Которым можно установить общение и отношения.

Люди склонны соглашаться с самыми разными «истинами», если на самом деле не верят ни в какую. Только если не верить в существование реальной истины, можно одобрять любые попытки создания «своих» истин. Заявление, что между истинами нет разницы, однозначно признанию, что любое религиозное вероучение не более чем иллюзорная попытка избавиться от чувства неуверенности. Все приемлемо, если нет реальной истины.

А если действительно существует один реальный Бог, — как тогда быть с индивидуальными истинами? Если есть Бог — единственный источник определенности, смысла, цели и самосознания? И если (как утверждает христианство) есть только один путь, каким можно к Нему прийти — через личные отношения с Иисусом Христом? Мы прекрасно понимаем, что христианство не допускает существования других богов и исключает возможность других путей к Богу. Людям не нравится в христианстве то,

что оно не признаёт другие точки зрения и настаивает на своей исключительности. И все же: что если — несмотря на его «неполиткорректность» — именно христианство согласуется с истиной?

Если есть одна абсолютная истина, значит думать, что мы можем сами творить свои истины, смерти подобно! Это самое опасное учение, какое только может быть, так как, придерживаясь представления, не соответствующего реальному положению дел, человек рискует не воспользоваться теми благами, которые может ему предложить действительно существующий Бог, и просто подвергает опасности свою жизнь!

Если вы допускаете, что истина действительно может существовать, но она представляется вам непостижимой, то ответ не в том, чтобы удовлетвориться подходящей на настоящий момент имитацией истины. Ищите. Если есть абсолютная истина, то ответы на ваши вопросы вам не даст ее суррогат!

Поиск определенности

Мы не скрываем своей убежденности, что только христианство дает истинную картину реальности. И мы ставим перед собой цель доказать, что, в отличие от постмодернистской позиции, наша убежденность имеет под собой надежную основу. Таким абсолют, который позволяет нам быть уверенными в своей правоте, является Бог, Который предлагает нам Свое общение. Истина не абстрактная концепция, которая меняется вместе с нашими потребностями. Истина зиждется на личности Бога, Чье бытие абсолютно и неизменно. Истина не произвольна, она исходит из свойств Бога. Альтернативные религии и попытки создать свою истину это не более чем иллюзии, не имеющие под собой реального основания и ведущие в тупик.

Мы намерены доказать, что абсолюты реальны, истина действительна, а вера в Бога не иррациональна. Вера не есть отчаянная, ничем не подкрепленная надежда. Напротив, она имеет надежное основание, она объяснима раци-

онально и приносит удовлетворение. Когда мы становимся христианами, мы не перестаем пользоваться своими мозгами и продолжаем радоваться жизни. Более того, — именно в Боге, Творце всего сущего, мы находим ответы на вопросы религии и философии, и в личных отношениях с Ним мы обретаем истинное счастье.

Обосновывая веру в Бога, мы понимаем, что очень мало людей уверовали благодаря логическим выкладкам. Многие пришли к Нему, выслушав свидетельство близкого человека, которому не была безразлична их судьба, и в жизни которого они видели ту радость и уверенность в завтрашнем дне, каких желали для себя. Будем всегда помнить об этом. Многие христиане уверовали благодаря такому свидетельству до того, как разобрались в основах вероучения. Другие же, наоборот, чтобы поверить в Бога, хотят почувствовать под ногами твердое основание истины.

К какому типу людей ни относились бы вы, — привлечет ли вас свидетельство знакомого или убедит изложение основ христианства, — мы надеемся, что эта книга поможет вам удостовериться в обоснованности христианской веры.

Вопросы для размышления и обсуждения

1. Почему необходимо, чтобы истина предшествовала вере?
2. Как понимается истина с позиций Просвещения, модернизма и постмодернизма?
3. Может ли вера определять истину? Почему?
4. Может ли истина являться таковой для одного человека, и не быть истиной для другого? Почему?
5. Что происходит, когда люди придают важность акту веры, а не ее содержанию?
6. Может ли быть доказано существование Бога? Почему?
7. Может ли убежденность в своей правоте помочь удовлетворению жизненных нужд? Объясните.

Что должно быть в основе моей веры?

— Я не верю в абсолюты: ни в нравственные, ни в какие-то другие, — сказал Кевин, когда они с Кори ехали вдоль пляжа в его машине с откидным верхом. Оба были студентами последнего курса Калифорнийского университета. Кори только что сказал, что приводить девушку к себе после знакомства на вечеринке неправильно, потому что это нарушает нормы морали.

— Эти нормы, может быть, были необходимы для поддержания порядка в обществе до эпохи Просвещения, а сейчас они устарели, — продолжал Кевин, — и теперь такие стандарты больше не нужны.

Кевин повернул к торговому центру и припарковал машину. Они вошли в магазин. Кевину нужна была новая доска для серфинга. Перебрав несколько досок, они нашли такую, как он хотел.

— Какой длины эта синяя? — спросил он у продавца.

— 2.60, — ответил тот.

Кевин внимательно посмотрел на доску.

— Вы ошибаетесь, — сказал он, — она выглядит короче.

Но продавец не согласился и даже показал Кевину этикетку. И все-таки Кевин был уверен, что продавец ошибается.

— У вас есть рулетка? — спросил он.

Продавец принес рулетку и помог Кевину измерить длину доски, которую придерживал Кори.

— Похоже, вы правы, — признал Кевин, почесав затылок. — Но мне она казалась короче.

Он вынул бумажник и протянул продавцу кредитную карточку.

— Я ее покупаю, — сказал он.

Когда доска была уложена в машину, Кори улыбнулся.

— Ты же не веришь в абсолютные истины, — сказал он.

— Да, не верю, — ответил Кевин.

— Почему же ты тогда попросил рулетку?

— Я не хотел, чтобы меня обманули. Я хотел знать точную длину.

— То есть, тебе нужен был эталон. Рулетка — это эталон для измерения длины. Значит, ты не отвергаешь все стандарты.

— Кори, перестань. Ты же понимаешь, это совсем другое.

— Разве? Ты сам только что доказал мне, что мы жили бы в мире хаоса и не могли бы быть ни в чем уверены, если бы не было эталона для определения длины. А вдруг есть эталон для определения поведения? Оценки того, как мы ведем себя по отношению к другим людям?

Кори прав. Мир без эталонов — мир хаоса. А ведь меры длины существовали не всегда. Столяр измерял материал при помощи имевшегося в его распоряжении средства — собственной ступни. В результате столы получались неодинаковыми, потому что у столяров были разные размеры ноги. Наверное, перед тем, как сделать заказ, клиентам приходилось проверять ноги столяров.

Согласно одной легенде, король решил покончить с такой неопределенностью. Он издал указ, что стандартом

для измерения длины будет его царственная ступня. С того времени его подданные, которые заказывали столы длиной в шесть футов, могли точно знать размер своих столов — их длина равнялась длине шести ступней короля.

Подобным же образом устанавливают эталонную систему мер и современные правительства. Они следят за сохранением этих мер, использующихся в торговле и в повседневной жизни.

Мы редко задумываемся о мерах или об их происхождении, но всегда полагаемся на них. Благодаря существованию стандартов, мы можем быть уверены, что покупаем килограмм гвоздей, метр ткани, литр молока. И, когда мы едем из одного города в другой с определенной скоростью, мы можем определить, сколько времени займет поездка.

Стандарты условные и абсолютные

Установленные официально стандарты полезны, но они не абсолютны. Мы можем назвать их условными. Они обусловлены чьим-то решением. Когда полномочия принимать решения переходят к кому-то другому, стандарты могут меняться. Новый король мог решить, что лучшей единицей длины будет размер его ноги, а не ноги его предшественника. Правительства стран Европы решили принять метрическую систему единиц и перейти на общую денежную единицу — евро. Несмотря на условный характер таких единиц, мы принимаем их, потому что они очень облегчают нам жизнь.

Если мы заглянем в суть этого вопроса, мы обнаружим, что есть стандарты, не зависящие от чьего-то решения, как, например, длина дня и ночи. Сутки всегда состоят из дня и ночи. Год состоит из 365 суток. Да, когда-то кто-то решил разделить сутки на 24 части и назвал их часами, но длительность их продолжает зависеть от фактора, над которым человек не имеет власти, — от вращения Земли. Часы и минуты — условные единицы, которые зависят от единиц абсолютных, не определяемых человеческим мнением. На условные стандарты можно полагаться постольку, поскольку в основе их лежат стандарты абсолютные.

И нам необходимо надежное подтверждение не только тех стандартов, от которых зависит функционирование общества, например, единиц времени, длины, веса и курсов валют. Нам нужно также подтверждение наших знаний и мнений по более серьезным вопросам.

Мы задумываемся о смысле человеческой жизни. Мы нуждаемся в подтверждении реальности таких абстрактных понятий, как любовь, истина, красота, честность и добро. Мы хотим быть уверенными в реальности того, о чем говорят нам наши чувства, — деревьев, гор, птиц, людей. Нам нужно подтверждение правомерности выводов, к которым мы приходим. И для того, чтобы убедиться в правильности нашего мнения, нам нужен иной стандарт, чем декрет короля или вращение нашей планеты вокруг своей оси. Нам нужно мерило абсолютное.

Согласно Толковому словарю Ожегова,¹ «абсолютный» — это безусловный, ни от чего не зависящий, взятый вне сравнения с чем-нибудь. «Абсолют» — это вечная, неизменная первооснова всего существующего; нечто самодовлеющее, независимое от каких-нибудь условий и отношений. Это высший и несомненный авторитет. Это то, что мы используем как доказательство, если в чем-то возникают сомнения. Абсолют подтверждает наше знание и придает ему определенность. Он надежен, неизменен и принимается как нечто само собой разумеющееся.

Чтобы убедиться в правильности какого-то мнения, нам необходимо найти тот абсолют, на который оно опирается. Чтобы получить точные ответы на свои вопросы, нам нужен авторитет. Должна быть основополагающая абсолютная истина, которая бы объясняла прочие истины. Любое знание разваливается, если в его основе не лежит нечто несомненное. Средством проверки истинности или ложности того или иного утверждения может быть только то, что само не нуждается в подтверждении.²

Некоторые из перечисленных выше понятий представляются настолько самоочевидными, что вообще удивительно, как кто-то может подвергать их сомнению. Казалось бы, любовь, истина, красота, здравый смысл, честность и объ-

ективная реальность существуют и не могут вызывать вопросов. Однако судя по всему, для современного человека нет очевидных истин. Любви, по мнению многих, не бывает. Это не более чем инстинкт или выброс гормонов, предусмотренные природой для сохранения человеческого рода. Многие считают, что прекрасное не содержится в мире объективно, а вытекает из субъективных особенностей восприятия. Общество все больше сомневается в абсолютном характере истины. Постмодернизм приучил очень многих людей считать, что она условна и подвержена изменениям, что одно мнение ничем не лучше другого, и что ни одна точка зрения не может претендовать на превосходство над другими.

При отсутствии абсолютов даже самый несомненный факт теряет определенность. Есть восточное учение, согласно которому существование есть иллюзия. То, что представляется нам реальным, — включая наше собственное существование, — не более чем видение в великом безличном космосе. Очень трудно доказать обратное людям, которые исходят из этого представления. Все, что должно подтверждать объективность мира, для них является частью сновидения. Щипок не будит человека, — убеждены они, — представляющееся ему пробуждение это не более чем часть сна.

Мы можем просто посчитать эту точку зрения необоснованной и нерациональной, но как в этом убедиться? Как можно доказать реальность или нереальность мира? объективность или субъективность прекрасного? способность мышления к достоверным заключениям об истине?

Как мы можем знать, что истина вообще существует? Мы, как будто, стоим в длинном коридоре с множеством одинаковых дверей. За какими-то из них — истина, за другими — заблуждение. Как решить, в какую из них войти?

Ответ нашла маленькая девочка-первоклассница. Ее одноклассница принесла на урок двухнедельного щенка, о котором подготовила рассказ. При обсуждении возник вопрос, какого пола щенок, и дети не знали точно, как его можно определить. Меган подняла руку.

— Я знаю, как определить, — сказала она.

Учительница, уже готовясь рассказывать о птицах и пчелах, спросила:

— Как, Меган?

— Мы проголосуем, — ответила девочка.

Конечно, мы можем посмеяться. Но именно такой позиции придерживается большая часть населения Соединенных Штатов. Принципы демократии, согласно которым решения принимаются большинством, идеи равенства и терпимости привели многих к мысли, что доля истины есть в любом мнении. Такие вызывающие споры вещи, как аборт, гомосексуализм, эвтаназия и свобода сексуальных отношений, становятся правильными, если общество в целом признаёт их таковыми. Многие заявляют, что имеют точно такое же право придерживаться этих ценностей, как и те, кто придерживается других — верности, чистоты, любви, честности. Они не видят принципиального различия между двумя системами ценностей, и считают, что выбор должен определяться большинством. Для них абсолюты не имеют значения или не существуют, и во что верить люди решают сами, исходя из собственного удобства.

А если образ жизни тоже определяется каким-то абсолютом, — как продолжительность дня определяется скоростью вращения Земли, — то не придавать ему значения опасно. Поступать так значит вывести свое существование из соответствия с устройством мироздания. Если абсолют существует, стабильность и определенность в жизни возможны только на его основе, — даже если общество в целом сочтет приемлемыми другие основания.

Поддерживаемое большинством правительство так же не может вносить изменения в абсолютные нормы нравственности, как не может изменить и нормальную продолжительность суток. Реальность не изменится ни на йоту из-за капризов общества, заботящегося о собственном удобстве. То, что представляется усовершенствованием нравственных устоев, обернется горем и хаосом.

Истина неизменна и непреклонна. В основе ее лежит безусловный и не подверженный изменениям абсолют.

Открытие абсолюта

Единственный способ определить, соответствует ли наше мнение истине, это убедиться, что у него надежное основание. Мы должны разобраться в сути своего мнения и, снимая слой за слоем, добраться до его сердцевины. Мы полагаемся на наши убеждения так же, как полагаемся на прочность своего дома. Мы не боимся находиться на втором этаже, потому что под ним находится прочный и крепкий первый этаж. Мы доверяем первому этажу, потому что он стоит на надежном фундаменте, опорой для которого является сама земля. И искать что-то дальше не имеет смысла. Опыт, здравый смысл и интуиция говорят, что нет ничего более незыблемого, чем земля, и было бы просто глупо тратить время и деньги, пытаясь копать глубже, чтобы убедиться в ее надежности. Это абсолюта для строителя.

Таким же образом мы убеждаемся в надежности своих убеждений. Следуя здравому смыслу, мы разбираем их уровень за уровнем, пока в самом низу не доберемся до основополагающей истины, на правильность которой можем положиться, — истины очевидной, не вызывающей сомнений и не нуждающейся в опытным доказательстве.

Мы считаем нужным помочь человеку, у которого в машине заглох двигатель, потому что признаём правило: «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Это для нас бесспорно, потому что мы понимаем, что зависим друг от друга в этом мире. Мы убеждены, что нужно серьезно относиться к этой взаимозависимости, потому что не сомневаемся в необходимости сохранения общества. Практически любой признаёт эту истину. Это считалось правильным в любом обществе и во все эпохи.

Однако до абсолютной основополагающей истины мы все еще не дошли. Почему общество должно быть сохранено? Кто это сказал? Почему это важно? И почему мы должны так считать? Ответ может представляться самоочевидным, но мы должны заглянуть еще ниже, чтобы

убедиться, что в основе общепринятого мнения находится абсолют. Такая истина в последней инстанции, не подлежащая сомнению, является логической необходимостью.

Надежность абсолюта

Убежденный рационалист может не согласиться с тем, что абсолют не доказывается. Мы — разумные существа и стараемся обосновать свои убеждения. Почему мы должны просто принять на веру некий абсолют? Почему мы должны доверять истине, если она не доказана?

Мы не предлагаем перестать размышлять. Именно наш разум говорит нам, что абсолют не может быть доказан, потому что если бы он поддавался доказательству, он не был бы абсолютom. Он был бы условным стандартом, который требует подтверждения не нуждающейся в доказательстве абсолютной истиной. То, что не может быть доказано, должно быть либо принято, либо отвергнуто. И оно не должно быть принято слепо. Мы доверяем абсолюту, когда здравый смысл говорит нам, что это есть логическая необходимость, у которой нет рациональной альтернативы. И тогда мы принимаем его — нравится он нам или не нравится.

Конечно, мы можем заупрямиться, отказаться считать положение конечным и требовать его эмпирической проверки. В поисках более плотной породы строитель может продолжать копать глубже и так ничего на этом месте и не построить, — у него будет только большая яма. Точно так же, если мы отказываемся принять абсолют, мы никогда не будем ни в чем уверены, и наша жизнь будет просто ямой — пустой и бессмысленной.

Мы не проповедуем слепую веру и пренебрежение человеческим разумом. Читая эту книгу, вы убедитесь, что мы настаиваем на обратном: в основании веры должно быть рассуждение. Но в какой-то момент здравый смысл должен перестать требовать доказательств и принять нечто как логическую необходимость. Из абсолютom исходит каждый — даже самый упорный рационалист. Каких бы

взглядов вы ни придерживались — верующий вы человек или натуралист,³ — поразмыслив, вы убедитесь, что ваши убеждения исходят из недоказуемого абсолюта.

Размышления чрезвычайно полезны, и никогда не следует переставать думать. Однако всегда нужно напоминать себе, что анализ должен помочь нам увидеть предмет яснее, чтобы, посмотрев через него «насквозь», мы смогли разглядеть его основание. Если же мы настаиваем на прояснении самого этого основания, наши размышления теряют смысл. Как сказал Клайв Льюис: «Нельзя все лучше и лучше “видеть насквозь” мироздание. Смысл такого занятия лишь в том, чтобы увидеть за ним нечто. Окно может быть прозрачным, но ведь деревья в саду плотны. Незачем “видеть насквозь” первоосновы бытия. Прозрачный мир — это мир невидимый; видящий насквозь все на свете — не видит ничего».⁴

Обосновывая каждую истину большей истиной, стоящей за ней, мы в конце концов добираемся до такой истины, которую нельзя объяснить, потому что она есть истина-абсолют. Ее можно только принять как исходную. В ней — ответ на наши вопросы и смысл наших убеждений.

То есть, получается, что достоверность истины нельзя подтвердить? Если закончить поиск истины, просто приняв недоказуемый абсолют, как можно убедиться в правильности этого исходного абсолюта? Можно исходить из того, что не существует ничего, кроме природы. Можно исходить из того, что существует Бог. Поскольку научно не доказывается ни одно, ни другое, может быть следует считать оба допущения равноценными?

Вовсе нет. Опыт — это способ познания действительности, на основе которого мы можем определить, какой абсолют наиболее последовательно объясняет окружающий нас мир. Как зверолов определяет вид, размер и скорость движения животного по его следам, так и мы можем делать выводы о лежащем в основе реальности абсолюте по производимому им эффекту. Наш опыт дает нам достаточно данных для заключения, что истина реальна, и в основе ее — некий абсолют.

Большинство людей понимают, что если такой абсолют существует, это может быть только Бог. Но очень многие из наших современников выросли под влиянием научного натурализма и постмодернизма, и они либо сомневаются в существовании Бога, либо полностью отрицают Его. Но если не существует Бог-абсолют, исключается возможность существования объективной истины. Те, кто отрицают Бога, должны признать, что живут в мире, лишенном порядка, истины, смысла и цели, либо в мире иллюзорном, реальность которого вообще стоит под вопросом.

Эта книга ставит перед собой цель рассмотреть последствия отрицания Бога и сопоставить их с осознанным признанием Его как первоосновы истины и реальности. Мы не будем пытаться научно доказать Его существование, но мы покажем, что вера в Него есть логическая необходимость. Без Бога действительность была бы необоснованной и поэтому бессмысленной. Существование Бога недоказуемо научно, но вполне может быть выводом рационального размышления. Мы будем рассуждать о Его бытии подобно тому, как ученые рассуждают о существовании черных дыр. Их нельзя увидеть, но ученые знают об их существовании по гравитационным воздействиям на звезды, причиной которых может быть только такое явление, как черные дыры. Бог невидим, но мы знаем о Его существовании по воздействию на мироздание, которое может оказывать только Бог. В этом смысле мы действительно располагаем доказательствами Его существования. Мы будем говорить о том, как на основе этого абсолюта можно обрести уверенность в жизни.

Вопросы для размышления и обсуждения

1. Что такое абсолют?
2. В чем различие между условными стандартами и высшими абсолютами?
3. В чем состоит практическая функция стандартов в современном мире?
4. Какова роль абсолюта?
5. Есть ли необходимость в подтверждении абсолютом таких абстрактных понятий как истина, красота, добро, любовь? Почему?
6. Признавая абсолют, перестаем ли мы рассуждать?
7. Что можно признать исходным абсолютом? Доказуема ли какая-то из двух альтернатив? Почему?

Могу ли я быть уверенным в правильности своего мнения?

Новорожденный младенец смотрит на улыбающееся лицо матери. Он еще никогда не видел лица и не знает, на что смотрит. Сначала глаза, нос и губы не будут значить для него ничего. Он видит только движущиеся цвета, в которых для него столько же смысла, сколько для нас в произведениях абстрактного экспрессионизма. Даже когда ребенок уже будет понимать, что он видит, его неразвитый ум будет неспособен осознавать, что лица матери и отца существуют и тогда, когда находятся за пределами видимости. Но позже, когда отец будет играть с ним, выглядывая из-за одеяла и снова прячась, детский ум установит связь и сделает вывод, что отцовское лицо продолжает существовать и тогда, когда его не видно.

Ребенок будет расти, и его ум будет делать новые заключения о мире. Например, его будут учить, что земля — круглая, хотя она выглядит плоской. Ребенок будет видеть восходы и закаты солнца, исчезновение судов за горизонтом, определенное положение звезд в определенное время и, размышляя, осознаёт истинную форму земли. Когда он прикоснется к раскаленной плите и одернет руку,

и потом увидит, как так же сделает кто-то другой, он поймет, что у людей одинаковые чувства. Он будет узнавать все больше того, что человек узнаёт исключительно благодаря размышлениям.

Способность размышлять многие принимают как нечто само собой разумеющееся. Мы пользуемся умом каждый день, чтобы разобраться во всем том, что не является очевидным. Но насколько мы можем быть уверены в своих заключениях? Можем ли мы на них полагаться, или разум, подавленный личным опытом и внешней средой, неэффективен? В современном мире, где люди ни в чем не уверены, многие очень скептически оценивают способность человеческого ума открыть истину. Одним из первых, кто задумался над этим вопросом, был французский философ XVII века Рене Декарт. Его тезис «мыслю, следовательно, существую» означает, что доказательством существования является способность усомниться в нем. Такое умение философов запутать то, что представляется очевидным, иногда поражает. Разве взглянув на себя в зеркало, ученый не убеждался, что существует? Но в сформулированном им положении больше смысла, чем может показаться на первый взгляд. Сомнительно любое убеждение, если оно не имеет под собой абсолютной основы, и философ искал такую основу, которая подтвердила бы, что его существование не самообман. Пытаясь доказать, что его существование объективно, а не является фикцией, он пришел к выводу, что его реальность бесспорно доказывается самосознанием.

Со времен Декарта философы приписывают мышлению человека способность познавать не только себя, но и окружающий мир. Только постмодернизм стал подвергать эту способность сомнению. Этому вопросу мы должны уделить особое внимание, и вот почему. Известно, что многие из тех, кто будет читать эту книгу, изначально не приемлют Писания и религии, другие же не доверяют науке. Поэтому, хотя мы придаем большое значение и Писанию, и науке, мы не будем основываться в своих заключениях ни на одном, ни на другом. Мы будем исходить из здравого смысла. Хотя здесь тоже есть трудность. Посколь-

ку очень многие подвергают сомнению человеческую способность правильно рассуждать, мы сможем апеллировать к рассудку только после того, как обоснуем правомерность обращения к нему. Мы должны показать, что на способность умозаключать можно полагаться, поскольку в основе ее находится надежный абсолют.

Постмодернистское недоверие к разуму

До середины XX века западный образ мышления формировался под воздействием идей Просвещения, деятели которого ставили человеческий разум превыше всего. Они были убеждены, что именно он приведет человека к истине. Просвещение не выдержало Французской революции, но оставило в наследство человечеству веру в силу разума, и эта вера была поставлена под вопрос только совсем недавно.

По мнению постмодернистов разум был дискредитирован провалом Просвещения. Они считают, что те, кто продолжает полагаться на человеческий разум как на средство познания истины, смотрят на реальность сквозь призму несостоятельной философии. Мы обманываем себя, говорят они, думая, что способны мыслить объективно, — мы не можем доверять своему уму, безнадежно искаженному культурой и философией. То, что мы называем разумом, на самом деле является точкой зрения, обусловленной допущениями, предубеждениями и недостатком информации. Хотя мы пытаемся рассматривать реальность рационально, на самом деле наше мнение основывается на хитросплетениях веры в разум, который мы приучены считать объективным.

Отвергая слишком большие надежды на разум, постмодернисты ударились в другую крайность. Утверждать, что влияние среды и склонности настолько искажают наше мышление, что делают его полностью несостоятельным, — это сильное преувеличение. Конечно, ни один из нас не свободен от такого влияния совершенно, но разве — не смотря на него — мы не можем познать объективную истину хотя бы частично? Условия воздействуют на нашу способность видеть, но не лишают нас ее полностью. И мы

знаем, что она проявляет себя постоянно. Мы преодолеваем свою необъективность всякий раз, когда меняем решение. А иногда мы переходим на совершенно другую точку зрения. Если бы обусловленные предубеждения были непреодолимы, любая попытка доказательства, научения, убеждения, исправления была бы бессмысленной, и поиск истины — напрасным.

В качестве доказательства слабости человеческого ума постмодернисты любят приводить известную историю, как слепцы исследовали слона. Один из них, который пощупал хвост, сделал вывод, что слон похож на веревку. Другой, который потрогал бок, был убежден, что слон похож на стену. Третий, ощупавший ногу, решил, что слоны такие, как деревья. Исходя из имеющейся информации, каждый сделал свой вывод, но сумма выводов не помогла им понять, что слоны представляют собой на самом деле. По мнению постмодернистов, этот пример показывает, что на разум нельзя полагаться как на надежное средство познания истины.

Но неудача слепцов не доказывает несостоятельность человеческого *ума*, — она является примером неправильного *рассуждения*. Предположения о слонах вполне соответствовали бы истине, если бы делавшие их были скромнее. Похож на веревку *хвост* слона (а не весь слон), на стену — его *бок*, а на деревья — его *ноги*. Каждый описывал какой-то элемент реальности достаточно точно. Ошибка была в том, что на основе ограниченной информации был сделан очень широкий вывод. Каждый хотел вывести заключение из недостаточных данных. Люди рассуждали неправильно и пришли к неправильному выводу.

Этот пример так же не доказывает несостоятельность разума, как плохой музыкант не доказывает, что никуда не годится музыка Бетховена. Поскольку неправильное использование разума ведет к неверным заключениям, постмодернисты вообще отказываются пользоваться им как ориентиром в поисках истины. (Если старый пес иногда лает без причины, наденем на него намордник и оставим дом без охраны вообще?)

Постмодернисты не видят, что их пример со слонем доказывает противоположное желаемому. Слепцы действительно открыли истины, хотя и неодинаковые. Проблема была только в том, что ни одна из них не была *всей* истиной. Недостатки в рассуждении и личном опыте могли быть преодолены, если бы наши исследователи поделились друг с другом своими впечатлениями и поменялись местами друг с другом. Объединенные знания привели бы их значительно ближе к объективной истине о слоне.

Будем рассуждать дальше. А что, если бы вследствие личной предубежденности один из слепцов сделал из своего ограниченного исследования очень субъективный вывод, — а, по мнению постмодернистов, происходит именно так. Допустим, тот, кто щупал бок слона, всю жизнь провел в доме, где все стены покрыты коврами. Информацию, полученную от органов осязания, он связал бы с привычным убеждением. С полной искренностью он сообщил бы товарищам, что бок слона напоминает ковер. Если субъективная обусловленность приведет его к такому заключению, будет ли его мнение правомерным? И если заключение «слон похож на ковер» является истинным для него, истинно ли оно в действительности? Если предвзятые суждения, сформулированные под воздействием личных склонностей и предубеждений считать «истиной», то сам этот термин теряет смысл. Если истина может означать что угодно (а так считают постмодернисты), то она не означает ничего.

Пойдем дальше. Представим, что бок слона исследовали все, и все сделали очень субъективные выводы. Одному слон напомнил каменную стену, другому — пластиковый мешок, третьему — ствол дерева, четвертому — кусок масла. Хотя все эти мнения никому не помогут познать истину о слоне, ни одно из них не может воздействовать на истинную реальность слона. Слон объективно существует со всеми неотъемлемыми качествами, независящими от описаний, данных исследователями. Истина существует объективно, каким бы неточным ни было представление о ней, и отрицание этого является сутью ошибочности постмодернизма.

Нет нужды ограничивать наше знание тем, что нам говорит субъективный опыт. Как слепцы могли подойти к истине ближе, обменяйся они впечатлениями, так и мы, обмениваясь данными и выводами, можем расширять пределы своих знаний. Мы можем учиться. Хотя неясности могут оставаться, объединенный опыт и рассуждения помогают увидеть общую картину лучше.

Многие люди, стоящие на позициях постмодернизма, все же верят в Бога. Они признают Его интуитивно, не чувствуя необходимости в рациональных подтверждениях. Но даже когда они не нужны верующим, они возможны. Как парашют, огнетушитель или запасное колесо они могут никогда не понадобиться, но их нужно иметь. Даже если не рассуждать о Боге, вера в Него должна быть рациональной. Верующие должны быть готовы ее обосновать, потому что в аргументах нуждаются другие, кому вера будет представляться суеверием, пока мы не покажем им, что она опирается на твердое рациональное основание.

Поскольку невозможно доказать рациональность веры тому, кто не верит в человеческий разум, нам прежде необходимо доказать, что он заслуживает доверия.

Можно ли полагаться на человеческий разум?

В предыдущей главе мы сделали вывод, что как верующие, так и натуралисты опираются в своих убеждениях на некие абсолюты. Однако убежденные рационалисты категорически отказываются принимать что-либо как исходное. Они утверждают, что нет ничего, что не поддавалось бы рациональному анализу. Однако, высказывая такую точку зрения, они таким образом признают, что на выводы человеческого разума можно полагаться. Думая, мы исходим из того, что наше мышление заслуживает доверия. Мы подвергаем вещи сомнению, аргументируем, объясняем, доказываем, прибегая к разуму, и не считаем нужным подвергать сомнению, аргументировать, объяснять и доказывать саму способность размышлять. Для нас она — нечто само собой разумеющееся.

Большинство из нас просто не задумывается об этой своей способности. Наши мысли представляются нам вполне рациональными и отвечающими окружающей нас реальности. Выводы математики, которая требует абстрактного размышления, проверяются практическим опытом. Уверенность в том, что два плюс два равно четырем, основывается не исключительно на умственных усилиях. Очевидное можно подтвердить экспериментально. Положим на стол два яблока и сосчитаем их. Затем добавим еще два и посчитаем еще раз. Таким образом мы убеждаемся в правильности наших абстрактных рассуждений: как мы и предполагали, получается четыре. Представляется, что рассуждения не противоречат реальности.

И все же, можем ли мы быть уверены в объективности и рациональности нашего мышления и воспринимаемой чувствами реальности? Действительно ли яблоки реальны, и математика не проделка нашего ума? Сумасшедший убежден в рациональности своего мышления и находит ее подтверждения во внешней реальности. Человек, считающий себя Наполеоном, видит неопровержимые доказательства своей правоты во всем происходящем вокруг него. Вы заговорите с ним о погоде, а он заподозрит в вас подосланного фельдмаршалом Веллингтоном шпиона, пытающегося выведать, не планируется ли наступление при хорошей погоде. Сумасшедший истолковывает реальность через фильтр своего заблуждения. Он видит мир через линзу своего искаженного мышления и не знает, что представляющаяся ему картина далека от действительности.

В мышлении вполне нормальных людей тоже возможны искажения, являющиеся следствием внешнего воздействия — одномоментного или постоянного. Я помню случай такого временного воздействия. Человек был убежден, что самые творческие и незаурядные идеи оседают на него каждый раз, когда его усыпляют в стоматологическом кресле. Он очень огорчился, что когда приходит в себя, не может вспомнить ни одну из этих жемчужин мудрости. И вот однажды, когда он шел к стоматологу, он прихватил с собой ручку и блокнот, чтобы ничего не упустить. Но придя

в себя после наркоза, он обнаружил, что записал совершенную бессмыслицу.

Понятно, что наркоз воздействовал на его мышление, но он так повлиял и на его способность судить здраво, что человек не был в состоянии это осознать. И надо признать, что мы все в таком же положении, пока просто интуитивно и субъективно чувствуем, что правы, а не опираемся в своих рассуждениях на абсолют. Без такого абсолюта мы не можем быть уверены, что рационально рассуждаем о рациональной вселенной, а не находимся в психиатрической больнице, где каждый считает свои иллюзии рациональными.

Существует ли такой абсолют, на который могло бы опереться наше мышление? Как мы можем быть уверены, что отличаемся от человека, считающего себя реинкарнацией Наполеона?

Когда мы пытаемся доказать состоятельность человеческого ума, перед нами предстает проблема. Как сказал Клайв Льюис, невозможно доказать, что человеческие рассуждения заслуживают доверия, потому что это можно доказывать только при помощи рассуждений. Если подвергать сомнению способность человека рассуждать, как можно доверять своим рассуждениям по этому вопросу? Если не доверять разуму, то его выводы бессмысленны. Как рассуждениями можно обосновать их несостоятельность? Может ли судья быть одновременно и обвиняемым? Доказать состоятельность нашего ума у нас не получится, но если мы в ней не уверены, то мы не можем быть уверены в возможности постижения истины.

Надо думать, очень немногие из нас тратят умственные усилия на доказательство надежности разума. Мы просто рассуждаем и принимаем результаты наших рассуждений. Мы склонны считать мышление чем-то постоянным и основополагающим — одной из данных величин, которые до недавнего времени не вызывали вопросов.

Однако перед тем, как мы признаем состоятельность человеческого мышления, потому что она является основополагающей, мы должны разобраться с самим основанием. Мы можем полагаться на выводы ума, если основой

наших рассуждений является абсолют. С точки зрения постмодерниста, ценность рассуждений сомнительна, потому что сомнительно наличие такого абсолюта. То есть, если мы такой абсолют не найдем, перед нами стоит проблема, о которой сказал Клайв Льюис: разум не обосновывается доводами разума.

ДИЛЕММА НАТУРАЛИЗМА

Натуралисты исключают сверхъестественную первопричину всего сущего. Они придерживаются убеждения, что все образовалось благодаря случайным сочетаниям атомов. По их мнению, только так можно объяснить существование вселенной. Существование разума как такового не согласуется с такой точкой зрения, поскольку, когда элементы сочетаются случайно и беспорядочно, результат этого процесса не может быть упорядоченным и рациональным. Вселенная, обязанная своим существованием случаю, по определению является вселенной иррациональной. Согласно такой модели, человеческий мозг (единственная рассуждающая сущность, которая признаётся) также является продуктом действия случайных сил, совокупностью молекул, соединенных вместе иррациональными силами.

Как же от такого ума можно ожидать рациональных заключений о действительности?

Умозаключения натуралистов весьма сомнительны, так как действие иррациональных причин не может привести к рациональным следствиям. Мы вынуждены думать, что вселенная не более чем совокупность всего имеющегося в ней. Другими словами, если бы разум не существовал во вселенной с самого ее начала, он не мог бы чудесным образом просто влиться в нее по ходу ее развития. Думать так значило бы стать на один уровень со средневековыми алхимиками, которые думали, что свинец может превратиться в золото. В иррациональной, хаотической, материалистической вселенной отсутствует элемент, составляющий разум, следовательно, можно ли предполагать, что она произведет ум, способный рационально объяснить ре-

альность и истину? Это так же невозможно, как при перемешивании букв не может получиться сонет Шекспира или даже предложение из букваря.

Многие натуралисты с постмодернистским уклоном пришли к такому заключению: вселенная иррациональна, и мышление ненадежно. Другие пытаются усидеть на двух стульях: они говорят, что во вселенной проявляется порядок, разум и объективная реальность, несмотря на ее случайное происхождение. Но, как мы уже убедились, в этой точке зрения есть внутреннее противоречие. Ее могут придерживаться те, кто не продумал ее достаточно глубоко. Помните героя мультфильма, который ступает с обрыва в пропасть, но не падает, пока не посмотрит вниз и не поймет, что его ничего не поддерживает? Натуралисты, которые думают, что разум рационален несмотря на его случайное происхождение, ступили в пропасть иррациональности, но не осознают этого. Они думают, что под ними — надежное основание разума, но на самом деле они висят в воздухе. Если они будут продолжать прибегать к доводам разума для подтверждения своих убеждений, их непоследовательность рано или поздно проявится. И тогда они будут вынуждены либо признать несостоятельность своей позиции и изменить ее, либо отстаивать ее, отвергнув разум.

В натуралистической модели вселенной отсутствует обоснование разума. Такая вселенная случайна и иррациональна. Она непредсказуема и находится в состоянии постоянного изменения. В ней нет надежного основания для человеческого разума. А можно пытаться при помощи своих рассуждений открыть истину, только если такое непоколебимое основание есть. Разум должен иметь под собой рациональный абсолют, который существует вне и над природой. Без такого сверхъестественного принципа любые наши претензии на рациональность необоснованы.

Основание разума

Мы не станем ратовать вслед за деятелями Просвещения за «царство разума». Но мы утверждаем, что истина

рациональна, и что любая точка зрения, отрицающая очевидные факты и противоречащая здравому смыслу, иррациональна. Два отрицающих друг друга положения не могут быть одновременно истинными.

Мы признаём, что в силу ограниченности человеческого разума какие-то элементы реальности остаются за пределами познания, но мы не можем отрицать их существования по причине недостаточности данных о них. Не является иррациональным соглашаться с недоказанным утверждением, если оно не противоречит здравому смыслу. Например, мы можем верить в духов, хотя не понимаем их образ существования и не можем собрать достаточно данных о них. Эту веру нельзя считать иррациональной, потому что, хотя мы не можем видеть, осязать или слышать духов, у нас нет данных, которые бы опровергали возможность их существования. Разум не может охватить это явление, но не может и исключить.

Мы не можем согласиться с явным противоречием. Например, мы не можем признавать истинность утверждений, что существует непоколебимый предмет, и что существует непреодолимая сила, так как, если бы они встретились, была бы доказана ложность одного из утверждений (а, возможно, и обоих). Два таких объекта не могут существовать одновременно в одной вселенной. Эти два утверждения противоречат друг другу, и верить в истинность обоих иррационально. Нужно принять одно из утверждений и отвергнуть другое, или, если у нас недостаточно данных, мы должны просто отложить принятие решения.

Дальше (гл. 8) мы будем говорить о том, как сочетаются вера и разум, а пока только скажем, что согласование веры с разумом необходимо. Герой английского писателя Г. Честертона отец Браун объяснил преступнику, переодетшемуся в сутану, как он догадался, что тот не настоящий священник. «Вы нападали на разум, — ответил Браун. — У священников это не принято».¹ Христиане веру и разум не разделяют. Разум, заглядывающий за рамки эмпирического в поисках абсолютного, есть основа, на которой зиждется вера.

Нельзя оставлять вопрос о надежности разума без ответа, так как от него зависит результат поиска абсолютной истины. А поиск истины — не упражнение для интеллекта. Это вопрос первостепенной важности, и игнорировать его опасно рискованно. Если абсолютная истина действительно существует, значит, может существовать и многое другое из того, что не хотят признавать неверующие. Как уже было сказано (гл. 2), существование абсолютной истины означает существование сверхъестественного творца мироздания. А если он существует, то его притязания — немаловажная реальность, с которой мы не можем не считаться. Мы должны или найти ответы на эти вопросы, или быть готовыми к непрогнозируемым последствиям. И в этом поиске нам необходим разум. Вот почему так важно разобраться, можно ли на него полагаться.

В наших рассуждениях мы неизбежно исходим из посылки, что ум, способный к рассуждению, может быть произведением только высшего разума. Мышление не могло возникнуть в естественной вселенной, так как до появления человека в природе не было сознания и того, что могло его создать. Следовательно, разум должен иметь сверхъестественное — или, скажем прямо, божественное — происхождение, и в силу такого своего положения может делать заключения о вселенной (о фактах, истине и реальности), на точность которых мы можем полагаться.

Признание бытия Бога разрешает логическую дилемму существования разума и дает абсолют, который гарантирует его надежность. Этот вывод можно не признать так же, как можно не верить в духов по причине недостаточности опытных данных. Но разум не заслуживает такого отношения, потому что, хотя существование Бога не поддается эмпирическому подтверждению, вера в Него не противоречит здравому смыслу и данным, которыми мы располагаем. Если мы отвергаем Бога как абсолютное основание разума, у нас ничего не остается. Если мы отрицаем Бога как источник разума, последний лишается своей рациональной сути. Или Бог есть абсолют, или мы живем

в мире полной неопределенности относительно того, что реально и что есть истина.

Вывод таков: если мы доверяем человеческому разуму, мы должны верить в Бога. Если мы не верим в Бога, мы не можем полагаться на свою способность к здравому размышлению. Если Бог не абсолют, наше убеждение в собственной рациональности не имеет под собой основы. Крах разума есть крах надежды на определенность чего бы то ни было. Простыми словами, мы или верим в Бога или не можем быть уверены ни в чем.

Вопросы для размышления и обсуждения

1. Может ли разум постигнуть всю истину? Почему?
2. Откуда мы знаем, что способны к достоверным умозаключениям?
3. Почему при помощи рассуждений невозможно подтвердить надежность разума?
4. Могло ли мышление возникнуть в результате действия случайных сил? Поясните.
5. Насколько можно рассчитывать на рассудок, подверженный воздействию личного опыта, мировоззрения и окружения? Почему?
6. Почему на разум можно полагаться только при условии, что в его основе — абсолют вне естественной вселенной?
7. Если источник разума не Бог, возможно ли рациональное обоснование истины? Поясните.

Кто определяет, что правильно?

Марк с коллегой решили пообедать в новом ресторане. Когда они ехали по автострате, большой джип «Шевроле» неожиданно поменял ряд и втиснулся в промежуток перед ними. Марк резко нажал на тормоза.

— Эй! — закричал он, сигналив. — Придурок!

Через милю или две, посмотрев в зеркало, он увидел огромную фуру, которая была чуть ли не в метре от его заднего бампера.

— Идиот! — крикнул Марк. — Это что, твоя дорога, и все должны разбегаться перед тобой?

Подъезжая к паркингу у ресторана, Марк заметил, что недалеко от входа освободилось место. Когда он собирался его занять, появилась девушка на «Форде-Эскорте». Он приостановился, чтобы избежать столкновения, и она тут же припарковалась на свободном месте.

— Да что ж это такое?! — снова завопил Марк. — Она что, не видела, что мы собирались здесь стать?

Такие эмоции у водителей — обычное дело. Мы все были свидетелями таких случаев. А многие из нас сами так выражают свое возмущение.

Подобные тирады свидетельствуют о том, что всем людям присуще чувство правильного и неправильного. Мы все ожидаем, что к нам будут относиться справедливо и вежливо. Мы полагаем, что окружающие знают, как вести себя правильно, и будут поступать соответственно. Кто-то не признает таких правил вообще, но иногда их игнорируем или нарушаем мы все. И все же наше поведение показывает, что где-то глубоко внутри нас есть представление о нравственности. Люди не кричали бы на плохих водителей, если бы не считали плохую езду неправильной. Мы сердимся, потому что считаем, что нарушается какая-то норма. И мы полагаем, что эта норма всем известна. На самом деле, даже не согласиться по какому-то вопросу можно только, исходя из одинакового представления о стандарте правильного и неправильного. И чтобы убедить кого-то в том, что действительно имело место нарушение, необходимо, чтобы такой стандарт признавали обе стороны.

По общему мнению, существование норм нравственности не нуждается в доказательствах. Мы считаем их универсальными и относимся к ним, как к абсолюту. И это общее представление о нравственности — еще одна веха в наших поисках определенности.

Универсальность морали

Сознание нравственности присуще всем народам — и самым примитивным, и самым передовым. Подтверждения этому мы находим в памятниках прошлого и в современных культурах. Представления о нравственности на удивление схожи, как бы далеко ни отстояли друг от друга общества — по времени, географии, религии, уровню развития. Нравственность иудейских Десяти заповедей, вавилонского кодекса Хаммурапи, китайского даосизма и христианского Нового Завета могут различаться в акцентах, но не по сути. В некоторых культурах человеку разрешается убить, карая за зло, а в других это считается прерогативой государства. Некоторые культуры допускают свободу добрых связей или разрешают мужчине иметь

больше одной жены, а в других это не разрешается. Но везде запрещено убивать просто так и заниматься сексом с кем угодно. Везде есть законы, защищающие человеческую жизнь, и правила, регулирующие брачно-семейные отношения. Везде осуждается воровство и одобряются дела на благо других людей.

В некоторых странах нормы нравственности проводятся в жизнь жестко, а в других отношение к каким-то вопросам достаточно лояльное. Везде есть люди, которые противятся навязыванию им ограничений, касающихся поведения. И когда достаточно большое количество таких людей получает власть или поддержку, могут иметь место масштабные отклонения от всеобщих моральных норм, как это произошло в гитлеровской Германии, или как происходит в некоторых странах Азии, где убивают младенцев женского пола. Обычно такие отклонения недолговечны, поскольку возмущенное общество внутри или вне страны восстает и полагает им конец. Некоторые народы придают очень большое значение одним нравственным нормам и практически игнорируют другие. И все же, несмотря на отклонения и искажения, осознание неких фундаментальных нравственных норм проявляется везде, где существует человеческое общество. Как будто разные оркестры играют с одной и той же партитуры, но переложенной для своих инструментов.

Как можно объяснить наличие такого всеобщего морального кодекса? Чем объясняется, что каждому нормальному человеку на планете присуще представление о том, что хорошо и что плохо? Почему такое ощущение существует вообще? Верующим ответить на эти вопросы несложно: стандарты нравственности были вложены в человеческую совесть Богом, и Сам Бог является абсолютom и основой нравственности. Это и объясняет всеобщий характер морального кодекса и придает ему вес.

Естественно, неверующие отрицают, что нравственность исходит от Бога. Но вне Бога рациональное обоснование моральных норм невозможно. Как сказал известный исследователь вопросов этики Ричард Тейлор: «Современный мир, не приемлющий идеи Божественного законода-

теля, тем не менее старается сохранить понятия добра и зла, не замечая, что отвергнув Бога, он упраздняет и саму основу значимости нравственных норм. Таким образом, даже образованные люди иногда заявляют, что война, аборт или нарушения прав человека «аморальны», и думают, что сказали нечто истинное и значительное. Однако нет нужды напоминать образованным людям, что само понятие нравственных норм находит объяснение исключительно в рамках религии».¹

Без Бога как источника и основы морали мы не сможем найти ей объяснения, которое бы согласовывалось с реальностью. Однако были выдвинуты и другие теории ее происхождения. Мы рассмотрим их и убедимся, что они не выдерживают критики.

Теория создания морали

Согласно этой теории, мораль есть методом проб и ошибок созданный человечеством ради самосохранения набор правил. Эти нормы не абсолютны. Они были не спущены с неба, а выработаны людьми в течение тысячелетий, исходя из здравого смысла и практичности. В основе их не соответствие какой-то высшей истине, а просто стремление выжить. Так называемые нормы морали не более чем руководящие принципы, которые доказали обществу свою полезность в противостоянии враждебной вселенной. То поведение, которое укрепляло общество, одобрялось и стало называться «правильным». То, которое вредило обществу и ослабляло его, запрещалось и стало называться «неправильным». Согласно этой теории, общество создает правительства для того, чтобы они определяли, какая именно мораль содействует его сохранению наилучшим образом. Правительство выражает волю народа, принимая законы, которые силой государственного принуждения закрепляют нормативные убеждения и поведение.

Но в этой теории есть слабое место. Когда люди определяют, что для них правильно, они неизбежно исходят из какого-то изначального предположения. Когда они говорят,

что нравственность придумал человек, чтобы сохранить общество, они уже сделали допущение, что общество должно быть сохранено. Эта исходная для морали истина остается предполагаемой и недоказанной. Можно отрицать существование абсолютов, но, как только человек формулирует какое-то нравственное суждение — например, что общество необходимо сохранить, — он опирается на нравственный абсолют. И этого избежать невозможно: любое суждение может быть правомерным только при условии, что оно основано на абсолюте. Неверующие могут закрывать глаза на существование абсолютов как таковых, но как только они объявляют какое-то действие правильным или неправильным, они уже допускают в свои рассуждения некий абсолют.

Положение, что общество необходимо защищать, может быть одним из таких суждений, которые представляются самоочевидными. Но стоит убрать из рассуждений Бога, и его нельзя будет ни доказать, ни обосновать. Более того, с точки зрения неверующего человека, эта идея вообще иррациональна. Жизнь человека коротка, — какое значение имеет для него, выживет ли общество после его смерти? В будущем его ничего не ждет. Какой для него смысл в том, чтобы тратить драгоценные время и энергию на других?

Однако неверующие делают это. Они могут говорить, что делают что-то ради других, потому что это бескорыстно, правильно и благородно. И они могут быть вполне искренни, потому что эти чувства исходят из их сердца. Но эти чувства не согласуются с отрицанием Бога. Такие понятия, как бескорыстность, жертвование, благородство, забота о других не имеют смысла без абсолюта, на котором бы они основывались. При отсутствии абсолюта, из которого бы они исходили, неверующему имеет смысл получить как можно больше для себя в своей собственной жизни и предоставить обществу самому заботиться о своем будущем.

Несмотря на то, что *имеет смысл*, мы все — и верующие и неверующие — твердо убеждены, что некоторые

вещи *должно* делать. Мы должны помогать тем, кто нуждается в помощи. Должны защищать детей от жестокости. Должны быть честными. И ни один человек — неверующие в том числе — не свободен от этих «должны». Мы подвержены их действию, как силе тяготения. Заглянув глубже, под ними мы обнаружим исходный абсолют: общество должно быть сохранено. Для неверующих людей эта идея не должна ничего значить, но они не смогут отделаться от нее, как невозможно выбросить бумеранг, — он все равно вернется. Эта идея прочно сидит в уме каждого нормального человека, но она не была выдумана и не может быть обоснована человеческим разумом.

Неверующие оказываются перед дилеммой. Поскольку они не могут привести рациональных доводов, что общество должно быть сохранено, они должны выбрать: либо признать эту идею абсолютом, либо отвергнуть ее, как совершенно бессмысленную в безбожном мире, где каждый — за себя. Если они примут ее как абсолют, они не смогут с основанием считаться неверующими, так как эта идея имеет смысл только при условии, что мы ответственны перед Богом. Если они отрицают авторитет Бога как основу нравственности, они просто вынуждены считать долг перед окружающими совершенно иллюзорным. Они могут подчиняться ему, — не потому, что так правильно, а потому что, выполняя его, они лучше себя чувствуют. Если сохранение человеческого общества — данный Богом абсолют, тогда законы, принимаемые нами для регулирования поведения людей, имеют смысл. Если же идея сохранения общества исходит от людей, тогда под этими законами ничего нет, и они несправедливы, поскольку ограничивают права личности.

Если нет трансцендентного Бога, не может быть и истинного права. Если нет Бога, мы не можем винить людей в том, что они посвящают свою жизнь собственному удовольствию, и не можем требовать от них ставить интересы общества выше собственных. У нас нет стандарта, в соответствии с которым делать добро другим лучше, чем не принимать их во внимание и заботиться только о себе. И

наш герой Марк совершенно напрасно сердится на девушку, которая заняла его место на парковке. Она просто сделала то, что в тот момент лучше отвечало ее интересам. В мире, где Бог не является основанием абсолютов, мы не можем ожидать, что люди будут вести себя согласно стандартам, которые обществу захотелось принять. Если нет Бога, любое правило не более чем мнение и не имеет никакой силы. Если нет Бога, который бы давал людям надежду на жизнь после смерти, можно не обращать внимания на навязываемые нам самозванными моралистами идеи права, и заниматься своим делом. Как сказано у Достоевского, «уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие... тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено».²

Согласимся: в идее мира, где «всё позволено», есть что-то притягательное. Ведь каждый из нас подавляет в себе желание отбросить правила, пренебречь требованиями законов и делать, что хочется. Но из этого ничего не выйдет. Жизнь без правил и власти стала бы бедствием, потому что, убрав ограничения закона, мы уберем и его защиту. Без закона не может быть справедливости и безопасности, так как общество станет неспособным защитить жизнь и собственность граждан. Устойчивые отношения между людьми станут невозможны. Семьи развалятся. Распространятся убийства, насилие и кражи. Воцарится анархия, и жизнь будет проходить в обстановке полной неразберихи и жестокости. Теолог и философ Уильям Лейн Крейг написал: «Один раввин, бывший узник Освенцима, писал, что там как будто все Десять заповедей были изменены на противоположные: убивай, лги, кради. Человечество никогда не видело подобного ада. И, если натуралисты правы, наш мир в определенном смысле — Освенцим. Нет добра и зла, правильного и неправильного. Объективные нравственные ценности не существуют».³

Вопрос существования Бога не теоретическая абстракция без практического значения для нашей повседневной жизни. Потеряв веру в Бога, общество теряет свое основание и оказывается в водовороте индивидуализма, где

каждый заботится только о себе, и каждый является потенциальной жертвой.

Теория социального контракта

Кто-то из неверующих может сказать: «Мы согласны, что отсутствие законов имело бы для общества катастрофические последствия. Законы нужны для регулирования поведения других людей, чтобы мы могли заниматься своими делами. Но нет нужды, чтобы эти законы основывались на авторитете Бога или внешнего абсолюта. Закон прекрасно функционирует в обществе как социальный договор между индивидуумами. Мы частично отказываемся от свободы, чтобы иметь достаточно много свободы. Мы определяем мораль в соответствии не с каким-то высшим абсолютным стандартом правильного и неправильного, а с консенсусом в обществе. Моральный кодекс принимается как выражение воли большинства».

Теория социального контракта содержит в себе две фатальные ошибки. Во-первых, если нормы морали просто утверждаются большинством, почему им должно следовать меньшинство? Мы не найдем рационального обоснования, почему меньшинство должно принять социальный контракт, отказавшись от своих желаний и поддавшись воле большинства. Как общее мнение соотносится с моими личными желаниями? Относясь к меньшинству, я могу следовать воле большинства до тех пор, пока это меня не ущемляет. Я могу в общем соглашаться с ней, признавая ее полезность. Я могу даже пожертвовать какими-то из своих желаний ради поддержания общественной стабильности, поскольку понимаю, что, в конечном счете, она мне выгодна. Но я буду исполнять закон лишь постольку, поскольку это выгодно мне, и в тех пределах, в каких государство меня к этому принуждает.

Люди, которые не видят в законе абсолютного морального авторитета, не воспринимают послушание ему серьезно. Они повинуются закону только тогда, когда он помогает им в достижении их собственных целей, или если риск быть пойманным при нарушении слишком велик.

Если Бога нет, такое безразличие к закону вполне обосновано, но очень опасно. Отказ видеть Бога абсолютным основанием права неизбежно ведет к саморазрушению общества. Признаки такого распада мы видим сейчас в США, где идея Бога настойчиво вытесняется из общественной жизни. Отцы-основатели понимали, что народ должен жить не по социальному контракту. В Декларации Независимости, провозгласившей отделение от метрополии и образование независимого государства, «чтобы занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое [народ] имеет право по законам природы и ее Творца»,⁵ абсолютным основанием закона был однозначно признан Бог. А теперь, когда Он более не признается абсолютom, мы являемся свидетелями падения авторитета конституции. Суды идут на поводу у тех, кто настроен ликвидировать законы, которые препятствуют им в достижении желаемого. При отсутствии преданности Богу люди все больше урезают закон, чтобы иметь как можно больше личной свободы. Закон становится все менее способен ограничивать эти устремления, а индивид — все менее предан обществу. Все его внимание устремлено на себя — на свои права, желания и удовольствия. Свободные от воздействия абсолютных норм нравственности, люди теряют мотив к тому, чтобы чем-то жертвовать ради других.

Вторая ошибка этой теории состоит в следующем. Когда в обществе распространяется индивидуализм, оно становится очень уязвимым для тирании того, что Фридрих Ницше назвал «волей к власти». Не имеющее основания распадающееся общество оказывается в милости правителей, которые — будучи неспособны различать добро и зло — насаждают свою собственную волю. В итоге мы имеем «право силы». Правильным считается то, что считают таковым обладающие властью.

Когда люди отвергают традиционную мораль и используют власть для достижения своих целей, это ведет к страшным последствиям. Поучительный пример — правление Гитлера (1933–1945 г.г.) в Германии. Гитлер мечтал

очистить немецкий народ, который должен был править миром как высшая раса. Одержимый этой идеей, он пренебрегал любыми принципами, которые мешали ему в достижении цели, и устанавливал свои правила. Без колебаний он лишал свои жертвы собственности, свободы, достоинства и жизни, чтобы освободить мир от народов, которые считал неполноценными.

Подобное происходит в Америке, где разрушается понятие истинной, высшей морали. Во имя свободы личности правительство узаконило убийство нерожденных детей, потому что они могут внести неудобства в жизнь родителей. Такой закон попирает традиционную мораль. Это пример того, как власти предрержающие причиняют зло тем, кто не может сопротивляться. В обществе, которое определяет нормы нравственности в зависимости от своих прихотей, слабый становится жертвой сильного. Но те, кто извлекает выгоду из таких законов сегодня, могут пострадать завтра, когда их интересы окажутся менее важными, чем интересы власти.

Общество не выживет, пытаясь определить нормы морали самостоятельно. Когда мы решаем, что для нас правильно, мы руководствуемся исключительно своими сиюминутными желаниями. У нас недостает мудрости увидеть долгосрочные результаты своих решений. Когда мы сами определяем, что хорошо и что плохо, мы уподобляемся таракану, который в поисках убежища устремляется в ловушку с ядом.

Универсальный, всеобщий моральный кодекс не принимает в расчет наши прихоти. Нам может захотеться машины, денег или жены ближнего, но этот моральный кодекс нам этого не разрешает. Нам может показаться, что мы улучшим мнение о себе, немного приврав, но традиционная мораль говорит нам, что этого делать нельзя. Этот нравственный кодекс озабочен не нашими немедленными желаниями, а долгосрочным благом. Заглядывать так далеко человеку не под силу. Это под силу истинной нравственности, которая исходит от Бога, Который создал человека и знает его сердце.

Теория инстинкта

Согласно другой точке зрения, моральный кодекс является не изобретением общества, а инстинктивным явлением. То есть, у людей от природы имеется представление о том, что правильно и что неправильно. Эволюция отбросила все лишнее и запрограммировала человеческую совесть на те нравственные инстинкты, которые служат сохранению человеческого рода. И если мы испытываем нравственные побуждения, то это природа подталкивает нас к такому поведению, которое служит нашему самосохранению. Ведя себя правильно, мы просто прислушиваемся к природе.

Но эта теория также имеет недостаток. Каким из сигналов природы отдавать предпочтение? Ведь нередко наши побуждения противоречивы. Временами нам хочется потакать своим прихотям и доставить удовольствие себе самим. А иногда мы настроены помочь человеку, у которого сломалась машина, успокаивать ребенка в два часа ночи, дежурить у постели больного друга, а иногда даже пожертвовать своей жизнью ради другого.

Бывает, что такие взаимоисключающие побуждения возникают одновременно, и мы должны сделать выбор между ними. Как будто на одном плече сидит ангел, а на другом — черт. Ангел призывает: «Останови машину, предложи свою помощь. Так будет правильно. Разве ты не хотел бы, чтобы и тебе кто-то помог в подобной ситуации?» А черт, сидящий на другом плече, убеждает: «Если ты остановишься, ты опоздаешь на встречу. Ты можешь испачкаться. А вдруг тебя вообще ограбят. И, кроме того, он бы не остановился, чтобы помочь тебе».

Обычно все значительно сложнее и серьезнее. Мы должны делать выбор между противоположными желаниями много раз в день. Проявлять терпение к своему упрямому чаду или дать волю накопившимся эмоциям? Помочь жене с домашними делами или удалиться к телевизору? Не обратить внимания на непунктуальность подчиненного или сделать ему внушение? При приближении урагана

поспешить прятаться в подвал или бежать к соседскому дому, где ребенок остался один?

Большинство людей сойдутся во мнении, какая из альтернатив правильна. Мы все восторгаемся теми, кто ставит нужды окружающих выше своих, и не уважаем тех, кто всегда думает о себе. Но если природа дала нам оба побуждения, почему мы одобряем одно, и осуждаем другое? Исходя из какого стандарта мы так делаем? Это не может быть какой-то естественный, природный стандарт, потому что природа не может сама себе противоречить. Это должен быть стандарт, стоящий выше обеих альтернатив, — стандарт, исходящий извне природы.

В случае со спасением соседского ребенка от урагана, можно ли усмотреть в этом побуждении что-то природное? Но совершенно естественным является желание укрыться самому, — мы признаём самосохранение основным инстинктом. Но что природного в том, чтобы рисковать собственной недолгой жизнью ради чего-то, что не принесет никакой пользы?

Конечно, неверующим людям необходимо пересмотреть свою идею, что желание пожертвовать собой дано от природы. Самопожертвование совершенно противоречит самосохранению, однако же считается высочайшим достоинством как верующими, так и неверующими людьми.

В теории, что мораль имеет природное происхождение, есть большая нестыковка. Если наше представление о правильном — от природы, то почему оно не согласуется с нашими естественными устремлениями? Почему так часто нравственность принуждает нас поступать вопреки им? Для нас естественно плыть по течению, уступать своим желаниям, защищать себя во что бы то ни стало, не рисковать тем, что для нас ценно, ради других. Но параллельно мы испытываем и другое побуждение, исходящее от непонятной нам совести — от этого самого ангела на правом плече, — которое все портит! Она требует от нас поступить определенным образом совсем не потому, что так нам будет лучше (наоборот, нам будет хуже), а только потому, что так будет правильно. Нам хочется оставить

себе купюру, которую нам дали в магазине по ошибке, но этот настойчивый голос (замолчал бы он!) понукает нас вернуть ее. На контрольной работе нам хочется списать у соседа (его тетрадь так хорошо видно!), но докучливый голос говорит нам смотреть в свою тетрадь. В морали нет ничего природного, — она слишком несовместима с нашими естественными устремлениями. Она явно имеет природное происхождение.

Истинный смысл морали

Все выдвигаемые неверующими теории бессильны объяснить тот факт, что принципы морали несовместимы с человеческой природой. Теории создания морали и социального контракта несостоятельны, поскольку если бы правила вырабатывались людьми, они бы лучше сочетались с нашими природными устремлениями. Когда человек изобретает новый язык, он использует звуки и слова, с которыми может легко справиться. Но нравственность — это как будто неземной язык. Она требует от нас поступать так, как нелегко и неестественно для нас, — вопреки тому, что было бы для человека естественно.

То же можно сказать и о теории инстинкта. Если бы правила нравственности были инстинктивными и развились по ходу эволюции, следование им было бы так же естественно для нас, как для лосося естественно плыть против течения, чтобы отложить икру, а для гусей — улетать на зиму на юг. Мы поступали бы правильно, не задумываясь. Однако же поступать так, как мы считаем правильным, для нас неестественно и нелегко. Мы находимся в состоянии постоянного конфликта — столкновения противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в нашем сознании. Мораль звучит у нас в голове, как надоедливая мелодия, и мы не можем от нее избавиться.

Кто придумал эту мелодию? Если ее источник не мы сами и не природа, то откуда она исходит? Ричард Тейлор говорит, что вариантов ответа не так много: «Современные

авторы трудов по этике, бодро ораторствующие о том, что такое хорошо и что такое плохо и о нравственном долге безотносительно к религии, в действительности ткут интеллектуальную паутину из воздуха, и все их рассуждения не имеют смысла».⁴ Д-р Тейлор прав. Вариантов только два: либо мораль исходит от Бога, либо она не более чем необъяснимая и бессмысленная иллюзия. Совершенно разумно принять концепцию, что абсолютной первоосновой нравственности является Бог, давший нам систему моральных принципов, которые бы удерживали нас от следования естественным для нас разрушительным устремлениям.

Почему Бог наложил на нас ограничения, которые так мешают нашим личным желаниям? Потому что нравственные нормы делают возможным межличностное общение. Потому что моральные абсолюты являются ориентиром для нас в любви к ближнему и в наших отношениях с Богом. Нравственность есть основа истинной любви.

Почему правильно остановиться и помочь нуждающемуся в помощи, а не проехать мимо? Это правильно согласно моральному кодексу, который дан Богом и отражает Его свойства. Его свойством есть любовь, а помощь есть выражение любви. Помощь полезна для общества. И стандартом здесь является древнее, но вечное Золотое правило: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [Мф 7:12].

Почему вы чувствуете угрызения совести, когда лжете супругу, родителям, детям, начальнику? Потому что обман и нечестность разрушительны для отношений между людьми, а честность, напротив, сближает их. Вы чувствуете себя хорошо, когда говорите правду, и неловко, когда лжете, потому что истина есть отражение характера Бога — первоосновы нравственных норм. Правдивость есть проявление любви, защищающей нас. И то же можно сказать обо всех моральных принципах.

В руководстве по уходу за автомобилем описывается, как он работает, как находить в нем неполадки и устранять их. Предназначение его в том, чтобы обеспечить эффективную и безопасную работу машины, чтобы вы могли доб-

раться до цели, ни с кем не столкнувшись по дороге. Моральный кодекс служит той же цели. Он дает описание правильно действующего человека, и удерживает его от столкновений с окружающими. Когда мы понимаем истинный смысл правил морали, мы легко справляемся с раздражением. Богу угодно, чтобы мы жили не в одиночестве, а в таких отношениях друг с другом, которые приносили бы нам удовлетворение и радость. Система нравственных принципов в межчеловеческих отношениях исходит из Божьего характера как основы межличностных отношений.

Вопросы для размышления и обсуждения

1. Чем можно объяснить сходство между нормами морали у разных народов в разные эпохи?
2. В чем несостоятельность теории, согласно которой моральный кодекс был создан человеком для сохранения человеческого общества?
3. Почему нормы нравственности не могут быть результатом социального контракта, отражающего волю большинства?
4. Почему нормы нравственности не могут быть инстинктивными или природными (естественными)?
5. Почему в приверженности неверующих людей какому бы то ни было моральному кодексу нет логики?
6. Объясните слова Достоевского: «Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие... тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено».
7. В чем значимость норм нравственности для вас лично и для ваших отношений с другими?

В ЧЕМ СМЫСЛ?

Я сидел в ресторане с очень образованным человеком, бывшим агностиком, который недавно стал христианином. Помня, как произошло мое собственное обращение, я думал, что и его убедила красота Божьего творения, обетование вечной жизни на небесах или страх перед высшим судом. Но он сказал, что причиной было совершенно другое.

— Меня привели к Богу, — объяснил он, — осмысленность и неизбежность, которые дает мирозданию Бог. Всю жизнь я пытался найти их. Я рад всем тем преимуществам, которые обрел вместе с верой в Бога. Но я уверовал не ввиду перспективы жизни на небесах или в аду, а потому что без Бога во вселенной нет смысла. Только в Нем я нашел ответы на свои вопросы.

Мой знакомый был прав. Поиск определенности — это в то же время поиск смысла человеческой жизни и существования вселенной. Когда неверующие — атеисты, агностики, натуралисты и другие — исключают из объективного мира Бога, все теряет смысл. Без Бога мы одиноки и незащищены в умирающей вселенной, которая не имеет цели. Неверующий может найти временное утешение в

теории эволюции, которая дает иллюзию, что люди постепенно становятся лучше и со временем преодолеют недостатки своей природы и даже справятся со смертью. Но жестокая истина состоит в том, что вселенная приближается к своему концу, и помешать этому невозможно. С точки зрения натуралиста, при достижении вселенной состояния термодинамического равновесия в ней погаснут и остынут все солнца.

Для неверующего человека бессмысленно задаваться вопросом, для какой цели он находится на этой планете, потому что в бесконечном и черном пространстве нет никого, кто ответил бы на его вопрос — или даже просто услышал его. Без Бога как высшего абсолюта нет ни смысла в этом вопросе, ни причины задавать его.

Мироздание без смысла

Без Бога в человеческой жизни нет ни цели, ни надежды. Если мы не созданы Творцом, мы просто случайно образовавшиеся механизмы с рефлексам и реакциями, которые и определяют наши действия. Без Бога нет смысла в таких понятиях как свобода, ответственность, благо, героизм, справедливость, любовь. А также в таких как ненависть, страсть, предательство, ложь, трусость. Если мы не более чем запрограммированные случайностью машины, то убийца просто совершает действия, обусловленные определенными обстоятельствами и раздражителями. Как общество может осуждать и наказывать машину за то, что она делает? В мире без Бога не имеют никакого значения люди, идеалы, поступки.

Для натуралиста нет границы между человечеством и всем остальным, что существует. Во вселенной, которая образовалась благодаря случайности, мы — просто сочетания атомов, которые ничем не важнее других сочетаний, таких как камни, столбы или мокрицы. Согласно такой позиции мы бессмысленные сгустки материи, плавающие в бессмысленной вселенной, которая исчезнет так же внезапно, как и возникла.

Вселенная без Бога не может нам предложить ничего, кроме отчаяния. Если нет высшей силы, дающей ценность и значение человеку, идея осмысленности существования — просто иллюзия. Если мы появились благодаря случайности и без цели, если впереди нас ждет пустота небытия, то зачем мы встаем каждое утро? И какая разница, на что мы тратим часы, дни и годы? И даже если наши замыслы представляются нам весьма значительными в данный момент, какое они имеют значение на самом деле, если все, что мы делаем, бесцельно и уйдет в ничто, когда вселенная придет к «тепловой смерти»?

Рик Гор написал в одной из своих статей в журнале «National Geographic»: «В чем смысл вселенной, которая заканчивается ничем? Чем больше я размышляю о вселенной, тем больше мне не дает покоя этот вопрос. И я не нахожу на него ответа».¹

Простим мистеру Гору, что за риторикой он пытается скрыть свое отчаяние. Если его понимание вселенной верно, то все действительно уйдет в небытие. И такую безысходность не могут не ощущать все неверующие люди. История вселенной для них — великая трагедия материи, ожившей, обретшей сознание, разум и мечты, и приближающейся к неизбежному и полному концу.

Ирония состоит в том, что натуралисты, желая освободиться от угнетающей идеи Бога и ограничив сущее природным, лишили себя свободы, — их вселенная не имеет ни надежды, ни выхода.

Мы имеем связь с трансцендентной сущностью, дающей нашей жизни цель, если над природой существует область надприродного, сверхъестественного. Мы имеем возможность выйти за рамки природы в бесконечность. Убирая же Бога, натуралисты сжимают рамки нашего бытия до размеров гроба. Писатель Джон Апдайк сказал прямо: «Если этот материальный мир — это всё, что есть, то мы заключены в аду, и, согласно словам Паскаля, как узники в цепях, обречены наблюдать за убийством других заключенных».²

Не тратьте усилий на исследование всего множества философий, пытающихся объяснить смысл существования

без Бога. Вне Него смысла просто нет. Либо Бог является абсолютной первоосновой мироздания, либо вселенная бессмысленна. Или Бог — законодатель нравственных норм, или мораль — иллюзия. Или Бог — источник разума, или все иррационально. Как, если бы нас увлекало быстрое течение, и нам нужно было бы выбрать: хвататься за берег или лететь в водопад. Одна альтернатива — держаться за что-то прочное и надежное, другая — падать в пустоту. Или Бог, или ничто. Других вариантов нет.

Непоследовательность неверия

Когда человек предпочитает вере в Бога неверие, он выбирает точку зрения, несоответствующую реальному состоянию дел и очень непоследовательную. Мир слишком упорядочен и рационален, чтобы допустить наши собственные версии действительности. Неверующий человек постоянно будет сталкиваться с вещами, реальность которых он отрицает.

Одна из таких вещей — самосознание с его постоянным спутником совестью. В мире, где люди всего лишь механизмы, нет ни нужды в контроле совести, ни объяснения ему. Неверующий может отрицать реальность самосознания, но он не может не ощущать его необъяснимого внутреннего присутствия. Он может отрицать реальность совести, и тем не менее он будет чувствовать ее уколы.

Профессор Фрост из романа Клайва Льюиса «Мерзейшая мощь», неверующий ученый-социолог, осознаёт наличие в себе чего-то, что стоит выше чисто механической сущности, какой он себя считает. Внутренний голос высказывает непрошеное мнение о его решениях и поступках. Это не нравится Фросту, который упорно считает все это иллюзией, проекцией сознания. Перед лицом неожиданной смерти профессор испытывает ужас, — в этот момент он осознает реальность своей совести.

Явление, называемое совестью, — этот назойливый, незванный голос, который так часто ставит под вопрос наши намерения, — необъяснимо с позиций натурализма. Неве-

рующие могут отрицать его существование, но, когда они обманывают или крадут, они чувствуют вину точно так же, как и верующие. Они недовольны собой, когда после вспышки гнева понимают, что обидели близкого человека. Они не могут перенести обвинений и поэтому всегда стараются оправдать свое неадекватное поведение. И, что хуже всего, самые безбожные преступники обосновывают свои преступления. У них было несчастное детство; общество повело себя нечестно по отношению к ним и теперь они хотят рассчитаться с ним; жертва сама напросилась; посягательство на чужое — это просто следствие полосы невезения.

Те, чьи действия не соответствуют моральному кодексу, всегда прибегают к этой самой традиционной морали, чтобы обосновать свое неправильное поведение. Они сами спиливают сук, на котором сидят, и, падая, хватаются за ствол. Люди чувствуют себя спокойно только тогда, когда находят способ оправдаться, прибегнув к помощи норм морали. Если во вселенной действительно нет смысла, и человек — это только сочетание атомов, неверующим незачем оправдываться, — но они это делают. Они чувствуют необходимость подстроиться под универсальный нравственный стандарт, — хотя и отрицают его существование. Их поведение — главное доказательство существования той реальности, которую они не приемлют. Когда у них не получается оправдаться, совесть, которую они отрицают, мучит их точно так же, как и верующих.

Как существование глаза предполагает существование света, а существование уха — существование звука, так и наличие совести предполагает бытие Бога: то, что есть совесть, означает существование нравственного кодекса, что, в свою очередь, говорит о реальности внешнего абсолюта. И, как уже было сказано (гл. 4), таким нравственным абсолютом может быть только Бог.

Безрадостное восприятие мира ведет к отрицанию возможности каких бы то ни было достоверных выводов. Однако неверующие не могут не полагаться на свои суждения. Они утверждают, что абсолютов не существует, и

должны верить в абсолютность этого заявления. По крайней мере, они должны признавать истинность своего мнения, что истины быть не может. Они вынуждены пытаться каким-то образом примирить эти противоречия. Жизнь и рассуждения неверующих неизбежно входят в противоречие с провозглашаемыми ими взглядами. Они отгораживаются от разумного характера мира и замыкаются в своей иррациональности. Однако реальность снова и снова обнаруживает несостоятельность их иллюзий. Отрицание совести, разума, морали, самосознания и истины не предохраняет от их действия.

Неверующие ведут себя как герой детского стишка, который считал, что боли на самом деле не существует, она только кажется. Но, когда он сел на кнопку, ему очень не понравилось то, что ему «показалось»!

Многие люди сегодня предпочитают думать, что их мнение становится для них реальностью. Невозможно быть независимым от действительности. Горячая печка обожжет, как бы человек ни был убежден, что она холодная.

Непреклонность реальности

Неверующие восстают против Бога, не осознавая, что исходят из того, что Он существует. Утверждая, что во вселенной нет смысла, они невольно допускают, что смысл должен быть. Если они считают, что его нет во вселенной, то где тогда он есть? Вне вселенной? Но вне естественной реальности находится область сверхъестественного, которую они не признают.

Тот факт, что у людей есть понятие смысла, о чем-то говорит. Он указывает на то, что, независимо от нашего отношения к смыслу, мы представляем себе его существование. А человек не мог бы представить то, что находилось бы вне его опыта. Творчески мыслящие люди не придумывают что-то совсем новое, — они только открывают, реорганизуют и обобщают результаты своих ощущений.

Попробуем представить новый мир, шестое чувство, четвертое измерение, третий пол, которые бы не были

комбинацией или развитием уже существующих. Конечно, мы можем представить, например, летающую корову, инопланетянина, текущую вверх воду, но все это будет конструированием из уже имеющегося в нашем опыте материала. Даже выдающийся Альберт Эйнштейн, работая над единой теорией поля, исходил из свойств пространства и времени как форм существования материи. Как сказал один издатель, «если вы крадете из одного источника, это называется плагиатом, а если из нескольких — это творчество». И эта шутка содержит важную мысль: наше творчество и воображение ограничены рамками чувственного опыта.

То, что мы способны представить, понять и даже отрицать идею смысла, говорит, что смысл существует. Иначе мы не могли бы его вообразить. Человек, жалующийся на бессмысленность мира, уже имеет какое-то представление о смысле, что уже доказывает его реальность. Если бы не было света, мы не могли бы его вообразить и, следовательно, жаловаться на темноту. В бессмысленной вселенной идея смысла никогда бы не пришла нам в голову, и мы не смогли бы сетовать на его отсутствие. Смысл — объективное свойство реальности, и его осознание присуще нам изначально.

Ощущение смысла мироздания указывает на абсолют, каковым может быть только Бог, сотворивший вселенную для определенной цели. Мы осознаём цель своей жизни, когда постигаем свое место в творении. Абсолют, находящийся вне естественного мира, всегда будет напоминать о себе. И как бы ни настаивал неверующий на иррациональности мира, он неизбежно столкнется с Божьей истиной.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ АТЕИЗМА

Атеизм не имеет корня в сердце человека и совершенно не согласуется с объективной реальностью. Он исходит из заблуждения. Атеисты, как и все люди, начинают жизнь с интуитивным ощущением Бога, которое может вырасти

в веру. Человек изначально склонен уверовать, если его не увлекут в сторону воспитание, гнев, гордыня, злоба и безнравственность.

По своей сути каждый атеист это потенциальный верующий, который решил не приводить в действие свою врожденную способность верить. Он предпочел позицию, которая исключает веру в Бога и позволяет ему следовать своим желаниям. Он хочет иметь возможность заявить, как это некогда сделал поэт Уильям Хенли: «Я — хозяин своей судьбы и начальник над своей душой».³ Он не желает подчиняться высшей власти, которая бы предъявила к нему какие-то требования, и поэтому отрицает ее. Это — шаткая позиция, и, если вдруг он неправ (а не могут быть правы одновременно и верующие, и атеисты), он находится в серьезной опасности.

Чтобы подавить в себе неумолимое сознание реальности Бога, атеисты вынуждены постоянно и громко Его отрицать, но неправота их рано или поздно обнаружится, так как в объективном мире, в основании которого лежит абсолютная истина, ложь обречена. И все, что не соответствует истине, эфемерно и недолговечно.

Причиной атеистического неприятия Бога является непонимание Его значимости для человека. Многие атеисты стремятся к независимости от Бога, чтобы обрести личную свободу. Английский писатель Олдос Хаксли сказал: «У меня были причины не хотеть, чтобы в мире был смысл, и, как следствие, я решил, что его нет... Для меня и, вне всякого сомнения, для большинства моих современников философия бессмысленности была в сущности средством освобождения. Мы желали освобождения от определенной политико-экономической системы и определенной системы моральных принципов. Мы выступали против морали, потому что она ограничивала нашу сексуальную свободу».⁴ Те, кто обращается к атеизму, чтобы уйти от Бога, не осознают, что общение с Ним дает значительно большую свободу, чем они могут взять себе сами. Они ведут себя подобно животным, убегающим от человека, который входит в клетку, чтобы их выпустить. Атеисты останутся в

плону своей сжатой вселенной, пока не позволят Богу вывести их на свободу.

Смысл заключен уже в простом факте существования Бога. Благодаря этому смыслу мой друг-агностик стал христианином. Даже если бы не было загробной жизни, само сознание бытия Бога придавало бы жизни осмысленность и радость, которых она лишена, если является продуктом случайности. Но самым большим чудом является то, что когда мы приходим к Богу, осмысленной становится не только действительность вообще, но и наша личная жизнь. Бог-Творец мироздания желает иметь отношения лично с нами и предлагает нам вечность. В этом состоит наше предназначение и смысл жизни.

Вера в Бога — единственная рациональная альтернатива. Хотя нет способа подтвердить Его существование эмпирически, мы не можем не верить в Него, если в мире вообще есть смысл. Реальность бессмысленна, если в основе ее не находится абсолют — Бог. В существовании вселенной есть цель только потому, что она создана в соответствии с Божьим замыслом. И наша жизнь подчинена смыслу, потому что Бог создал нас с определенной целью, которую мы познаём, вступая в отношения с Ним.

Вопросы для размышления и обсуждения

1. Почему в натуралистической вселенной человек имеет не больше значения, чем жуки, сорняки, камни и прочие природные явления?
2. Если человек не более чем случайно образовавшийся механизм, есть ли у нас основания оценивать чьи бы то ни было поступки как хорошие или плохие? Почему?
3. Почему источник смысла бытия невозможно найти во вселенной, которая ограничивается рамками природы?
4. Почему неверие в Бога не согласуется с реальностью?
5. Почему верующие и неверующие одинаково склонны искать оправдание своим неправильным действиям?
6. Как атеисты поступают с присущим им от рождения сознанием Бога? Почему?
7. Где первоисточник смысла мироздания? Почему?

ПОЧЕМУ МЫ ЛЮБИМ НАБЛЮДАТЬ ЗА ЗАКАТОМ СОЛНЦА И СЛУШАТЬ МУЗЫКУ?

Вы сидите на концерте и чувствуете, как у вас «мурашки бегут по коже», а душа буквально парит. И вы задаете себе вопрос, почему музыка вызывает такие чувства?

Вы приходите на выставку и стоите перед картиной. Цвета, глубина и содержание так на вас действуют, что у вас перехватывает дыхание, и сердце бьется чаще.

Вы идете по горной тропинке и вдруг останавливаетесь в благоговении: заснеженная вершина блестит на солнце и отражается в озере, окруженном высокими соснами. Вас охватывают чувства, которые вы не можете ни назвать, ни объяснить.

Вас завораживают плавные и гармоничные движения фигуристов. Вместе со всеми зрителями вы вскакиваете, кричите и аплодируете.

Однажды на вечеринке из всех лиц вас вдруг привлекает одно. И вы уверены, что никто и никогда больше не вызовет у вас такого чувства.

Во всех этих примерах вы столкнулись с прекрасным и почувствовали необъяснимое удовольствие. Так мы откликаемся на какие-то особые сочетания форм, цветов, звуков,

движений. Термином «прекрасное» мы определяем любые предметы, зрелища, звуки, которые вызывают благоговение, подъем, вдохновение, восхищение, радость, восторг. Прекрасное — это нечто возвышенное и поэтическое, что поднимает нас над прозой жизни и доставляет наслаждение.

Нам трудно объяснить, почему встреча с прекрасным так действует на нас. Что такое есть в песне, снежной вершине, произведении искусства, в чем-то облике, что захватывает нашу душу и волнует сердце? Мы придаем прекрасному большое значение, однако не можем его объяснить.

Толкования прекрасного

Обычно мы не даем прекрасному определения, а просто говорим, что это нечто субъективное. Различия в эстетических предпочтениях мы объясняем тем, что красота — «в глазу того, кто смотрит». Мне нравятся горы, а вам берег моря. Я люблю классическую музыку, а вы — кантри. Я восхищаюсь французскими импрессионистами, а вы — поп-артом. Мне нравится колониальный стиль архитектуры, а вам — стекло и бетон небоскребов. Такие различия подводят многих из нас к выводу, что критерии красоты необъективны и определяются исключительно индивидуальным вкусом. Даже верующие склонны считать, что, в отличие от нравственных норм, представление о прекрасном — это вопрос личных предпочтений.

Однако то, что считается прекрасным и безобразным по общему мнению, перевешивает различия во вкусах. Например, практически все считают лебедей и бабочек красивыми, а летучих мышей и пауков — нет. Большинство сочтет прекрасными альпийские горы, и некрасивым — пейзаж, оставленный извержением вулкана. Мужчины могут отдавать предпочтение блондинкам, брюнеткам или рыжим, но каких-то женщин, независимо от цвета волос, сочтут красивыми все. Индивидуальные мнения являются лишь вариациями в рамках общепринятого представления о прекрасном.

Натуралисты склонны связывать понятие красоты с полезностью и целесообразностью. То, что мы называем

красотой животных, они считают развившимися свойствами, служащими защите и распространению вида. С точки зрения натуралистов яркая раскраска цветка не обстоятельство, могущее быть основанием для удовольствия, а лишь сигнал, привлекающий бабочек и пчел для опыления. Натуралисты утверждают, что назначение черт женской внешности, которые мы называем красивыми, — не эстетический эффект, а привлечение мужчин, которые видят в этих чертах способность вынашивать и выкармливать детей. Широкие плечи и выдающиеся бицепсы мужчин привлекают женщин, которым эти черты говорят о способности защитить и обеспечить семью. Павлин распускает перья, чтобы привлечь внимание павы. Красивые полосы у тигра — это просто маскирующая окраска животного, подкрадывающегося в зарослях к своей жертве. Для натуралиста нет ничего непостижимого в явлении, которое мы называем красотой: это просто способ, каким природа распространяет и сохраняет жизнь на планете.

Подобным образом они объясняют и искусство. Они говорят, что так называемая красота — это выражение эффективности и функциональности. Знаменитый лозунг архитектора Фрэнка Л. Райта «форма следует за функцией» резюмирует его точку зрения, что прекрасное есть следствие проектирования ради функциональности. Сверхзвуковой самолет «Конкорд» называли самой красивой машиной в мире. Когда проектировщика спросили, как он добился такой элегантности и изящества, он ответил, что даже не думал о красоте самолета. Все в его дизайне должно было служить исключительно эффективности. Красота естественным образом явилась побочным продуктом целесообразности.

Объяснять сложное понятие прекрасного простой целесообразностью достаточно заманчиво: все, что действует эффективно, — красиво, а то, что нескладно и неполноценно, — некрасиво. Здоровье красиво, а болезнь и разрушение — нет. Жизнь прекрасна, а смерть уродлива. Гармония привлекает, а диссонанс отталкивает. Порядок красив, а хаос и отсутствие равновесия вызывают тревогу и напряженность. Красота словно исходит из эффектив-

ности. Мы не находим красивого в ущербном, распадающемся, нецельном и неэффективном.

В этом толковании есть доля истины, но оно не всеобъемлюще. Достаточно часто эффективность проявляется вне зависимости от красоты. Два человека могут быть одинаково сильны, здоровы, трудолюбивы и умелы, но красивым может быть один, а другой — нет. Популярность восстановления викторианских и довоенных³ зданий свидетельствует о том, что, вопреки мнению Райта, многие люди находят красоту в совершенно нефункциональных украшениях. Если красота в целесообразности, то почему практически всем так неприятны пауки? В музыке вообще нет ничего утилитарного, однако она приносит нам огромное наслаждение. Если смерть ужасна, то почему так прекрасна осень, когда умирает листва на деревьях? Если жизнь прекрасна по своей сути, то почему такое отвращение вызывает у нас колония червей?

Некоторые философы связывают прекрасное с гармонией, симметрией, пропорциональностью, ритмичностью. Эти качества могут быть в определенной степени полезны при определении, *что* в природе или искусстве дает начало восторженному отклику с нашей стороны, но они не объясняют, *почему* мы так реагируем на них. Мы бессильны дать исчерпывающее толкование действия красоты. Почему нам приятно видеть определенные формы, слышать звуки, осязать поверхности?

Мы не пытаемся дать ответ на этот вопрос. Наша цель — показать, что, хотя мы не способны дать определение категории прекрасного, она не является иллюзорной. Красота не только утилитарна и не полностью субъективна. Прекрасное существует как объективная реальность, и ничего в естественном мире не может его объяснить. Красота исходит извне мира природы, — из сверхъестественного абсолюта.

Реальность вывернутая наизнанку

Натуралистические толкования красоты не годятся, потому что они словно выворачивают реальность наизнан-

ку. Натурализм сводит действительность к функциональности. Натуралисты видят лишь механизм действия природы, для верующих же этот механизм есть средство постижения смысла существования. Натуралистическая философия ошибочно усматривает суть в механике.

Представьте себе компьютер. Электрические сигналы, дисководы, микросхемы — все это обеспечивает его работу, но смысл и цель работы компьютера не в них. Предназначение компьютера в том, чтобы помогать нам в работе, учебе и общении с другими людьми. Механика имеет значение лишь постольку, поскольку она выводит необходимое на экран и принтер. Значимость часов не в пружинах и шестеренках, а в циферблате, где показывается время. Сам механизм не содержит смысла, он — средство достижения смысла.

Натуралисты неверно представляют себе вселенную, так как для них реальность состоит исключительно в спонтанном действии природных факторов. Натуралисты не признают осмысленности мироздания, так как это означало бы допущение первичности цели, достижению которой и служит механика. А это предполагает существование высшего замысла, что недопустимо для натуралистической точки зрения, согласно которой не существует ничего, кроме действующей вслепую природы.

В механистической вселенной нет места прекрасному. Такая вселенная лишена всего, что придает ей красоту, так как натуралисты рассматривают лишь детали механизма и не видят истины, скрытой глубже. Их исследование не обнаруживает смысла и цели, и как следствие все художественное и таинственное оказывается упущенным. Убежденный натуралист не видит в снежной вершине величия, так как это понятие отсутствует в его картине мира. Гора для натуралиста — это случайно выдавленные через трещины в земной коре и застывшие минералы. В их форме, поверхности и цвете он не допускает ни красоты, ни смысла, и не позволяет себе благоговеть по поводу этих проявлений природы. Он останется глухим к призыву не изучать объект, а насладиться его красотой.

Большинство из нас получает удовольствие от яичницы с ветчиной, меда и молока на завтрак. Но если мы будем видеть перед собой окаймленный жировым отложением ломоть мышечной ткани, вырезанный у животного, которое при жизни валялось в глубокой грязи; яйцеклетку домашней птицы; сиропообразную густую жидкость, вырабатываемую насекомыми из сока нектарников растений; и белую питательную жидкость, выделяемую молочными железами жвачного парнокопытного животного, мы скорее всего потеряем аппетит. Натуралисты же едят на завтрак именно это, — их позиция сводит на нет все, что может доставлять радость нашим чувствам. Там, где верующие видят деревья, кустарники, цветы и траву, натуралисты видят корни, фолликулы, волокна, усики, по которым поступают питательные вещества. Когда они рассматривают листок, в его форме, цвете и структуре они видят не гимн жизни, а химию и механику сока, фотонов, жилок и тканей. Зелень листка не вызывает у них изумления, — для них она лишь следствие фотосинтеза (образования углеводов из углекислоты и воды под действием солнечного света). В пигменте хлорофилла для них не больше красоты, чем в зеленых выделениях воспалившегося желчного протока.

Несостоятельность натурализма

Вы можете подумать, что наше описание натурализма слишком бесцеремонно. И до какой-то степени это так. Мы описываем, как неверующий *должен* видеть природу, если он последователен в своей философии. Однако фактически, несмотря на философскую позицию, которая не признает понятия прекрасного, большинство неверующих откликаются на красоту так же, как верующие. Они просто не могут иначе. Конечно, они могут объяснить, что цвет и аромат орхидеи очень функциональны, но, когда они смотрят на нее, она оказывает на них точно такое же воздействие, как на верующих людей. Они могут дать научное описание спектра электромагнитных волн видимого света, но они так же, как и верующие, восхищаются закатом солнца.

Объяснение состоит в следующем. Красота настолько действенна, что она влияет на чувства, минуя все интеллектуальные построения натуралистической философии. Натуралисты просто не продумывают свою позицию до логического конца. Они не осознают, что признание чего-то красивым противоречит их философской позиции. Для тех же, кто действительно последователен, прекрасное не существует.

Если вам кажется, что мы преувеличиваем, ознакомьтесь с достойным жалости признанием Джорджа Джона Романеса, поэта и ученого, который верил в сотворение мира Богом, пока не стал учеником Чарльза Дарвина: «Я не стыжусь признаться, что с фактическим отрицанием Бога вселенная потеряла для меня свою красоту; ... когда я задумываюсь о разительном контрасте между блаженством того возвышенного мировоззрения, которое было некогда моим, и нынешним чувством одиночества и непостижимости бытия, ... я не могу не ощущать острую душевную боль, какой поддается мое естество».¹

Романес выразил трагическое отчаяние мыслящего человека, допустившего, чтобы философия исказила его видение реальности настолько, что он отверг тот абсолют, который придает существованию смысл и красоту.

Обратившись к натурализму, Романес вывернул вселенную наизнанку. Внутренности механизма оказались снаружи, и он стал видеть только движение частей и слышать пыхтение машины природы, которая возникла без цели, сама себя питает, не производит ничего значительного и просто работает, пока не остановится. Когда Романес исключил Бога из своего мира, он лишил его всего, что придавало смысл формам, текстурам, цветам и звукам. Он оказался в одиночестве и тьме мира без красоты, которую его новая философия отвергла как иллюзию.

Натуралисты могут считать красоту иллюзией, но не могут ее не видеть. Пожалуй, она — единственная вещь в их механистической вселенной, которая способна отвлечь их от сознания трагичности реальности, обреченной уйти в небытие вместе с ними. Лучше успеть потан-

цевать на краю могилы, чем предаваться мыслям о неизбежном конце.

Эта безнадежность находит выражение в современных направлениях искусства. Когда-то целью художника было показывать красоту. Но с возобладанием натуралистической философии из искусства ушли цель и красота. Давление философии бессмысленности вытеснило яркие краски из произведений неверующих художников. В полной безысходности они упразднили прекрасное как иллюзию, неспособную скрыть тьму, которая неизбежно поглотит все сущее. И их отчаяние отражается в их произведениях.

По логике вещей, в натуралистическом мире не может существовать красота, и вот почему. Сама концепция прекрасного предполагает существование эстетического идеала, какого-то стандарта, к которому стремится объект. Чем ближе он приближается к идеалу, тем он красивее. Но в возникшем благодаря случаю натуралистическом мире, где нет абсолюта, невозможен и идеал. Существует лишь то, что есть, и нет ничего такого, что должно быть. Какое должно быть, может указывать лишь некий предсуществующий стандарт, с которым мы могли бы сравнивать. А в мире без Бога формы и функции возникли случайно и, согласно теории эволюции, подвержены постоянным изменениям, и мы не можем объявить состояние на какой-то момент идеальным. В таком мире нет абсолютных стандартов, согласованности с которыми можно было бы ожидать. Без таких стандартов не может быть красоты, без абсолютов не может быть стандартов, а без Бога не может быть абсолютов. Если натуралисты правы, истинная красота существовать не может, поскольку не может быть постоянного, неизменного стандарта, к которому она бы приближалась.

Христианская точка зрения

Как же восторженную реакцию на симфонию Шуберта, картину Рафаэля, закат солнца или водопад в горах объясняют христиане? Натуралисты утверждают, что эти чувства субъективны и что в водопаде как таковом нет

ничего возвышенного. Он лишь кажется таким, поскольку пробуждает в зрителе такие чувства.

Опровергая такую точку зрения, Клайв Льюис в книге «Человек отменяется» доказывает, что определенным объектам природы соответствует определенная эмоциональная реакция. Эти чувства действительно нелепы и необъяснимы, — разве что водопаду все же присуще какое-то качество, вызывающее восхищение у зрителя.

Каким же свойством может обладать водопад, закат солнца или гора, которому соответствует восхищение? Натуралисты говорят, что неровная поверхность горы — это результат тектонических процессов, т. е. действия под земной корой беспорядочных геологических сил. Водопад — это следствие действия силы тяготения на жидкость в месте, где русло реки заканчивается обрывом. Но как натуралисты объясняют возвышенные чувства, вызываемые этими природными явлениями? В естественной вселенной, где мы имеем дело только с геологией и гравитацией, эти чувства не находят обоснования.

Может быть, гора — произведение искусства, создатель которого хотел, чтобы форма горы вызывала определенное действие? Мы не знаем точно, каким должен быть этот эффект по замыслу Творца, но можем произвести экстраполяцию из чувств, схожих для столь многих людей, что их можно считать общими. При виде горных вершин большинство людей ощущают величественность, особый порыв, благоговение, необъяснимое стремление к небу. Может быть, гора была создана как наглядная метафора, образ нашего стремления соприкоснуться с чем-то вышшим, находящимся за пределами нашего опыта. Как тени в пещере Платона, горы, закат, музыка и искусство могут быть намеками на высшую, сверхъестественную реальность. Прекрасное, которое мы видим в природе и выражаем в искусстве, может быть отголоском того более великого, что существует вне естественного мира, составляющего лишь часть действительности.

Мечтатели и романтики приближаются к постижению истины ближе всех. Именно в моменты, когда мы чувству-

ем грандиозность горной вершины, когда у нас перехватывает дыхание при виде пейзажа, когда в осенних листьях мы видим какой-то особенный цвет, когда музыка открывает сущность жизни, когда чье-то лицо излучает для нас волшебный свет, с тайны реальности снимается покров. Но не для натуралиста, — через свою лупу он видит лишь механику и химию. Он безнадежно далек от постижения истины.

Да, нам знакома и другая сторона жизни — горе, боль, рак, инфаркты, смерть, ураганы, наводнения, землетрясения. Эти явления ужасны, но все они — лишь временные пятна на реальности, но не сама реальность.

Когда-то, добираясь на работу, я должен был проезжать по мосту через реку Колорадо. Весь мост покрыт ржавчиной. Хотя я не могу заглянуть под этот слой ржавчины, я ни в коем случае не допускаю, что мост состоит из нее. Истина в том, что под ржавчиной — прочный и надежный металл.

Истина состоит в том, что под пятнами, искажающими картину реальности — величие мироздания. И у романтиков, над которыми сегодня смеются, самое лучшее зрение. Они способны видеть сквозь туман, застилающий глаза остальным. Видя красоту, они видят истину.

Но, какие бы устремления ни пробуждала в нас красота, ни в природе, ни в искусстве нет того, что удовлетворило бы их. Музыка, самая гармоничная и нежная, не утолит нашей душевной жажды. Никакой человек, какими бы прекрасными качествами он ни обладал, каким бы любящим и преданным ни был, не удовлетворит желаний человеческого сердца. Несмотря на возвышенность наших ощущений при виде горной вершины, в ней нет того, что нам нужно. Наши чувства направлены на нечто более великое. Объектом наших устремлений является не гора, но она указывает на Него.

Прекрасное — это лишь тень реальности, к которой мы стремимся, которую мы не видим, не слышим и не ощущаем. Прекрасное в природе пробуждает «память» о чём-то, чем нам предназначено наслаждаться, но эту радость мы

никогда не испытываем полностью. Как будто для постижения чего-то нам необходимо чувство, которое у нас не развилось в достаточной степени. И при помощи имеющихся у нас пяти чувств мы улавливаем это временами и мимолетно.

Зов прекрасного действует на нас, как пение сирен на мореплавателей, и мы способны последовать за ним, забыв обо всем. Но оно оказывается похожим на радугу, которая всегда ускользает от нас, или на мыльный пузырь, который лопается при прикосновении. Мы рассматриваем прекрасное, но не можем насладиться им, как ребенок, заглядывающий в витрину с игрушками и прижимающийся носом к толстому стеклу. Как бы мы ни стремились погрузиться в него, мы бессильны это сделать. Даже в моменты высшего наслаждения симфонией, солнечным закатом, картиной, объятием мы понимаем, что не достигаем желаемого. Все эти приятные вещи — лишь образы действительного объекта нашего желания, остающегося недостижимым. Прекрасное не сам объект, а путь к нему.

В прекрасном мы слышим отзвуки сверхъестественного. Красота в природе и искусстве дает нам возможность увидеть высшую реальность, которая является источником всего. Она неуловима во всей полноте, потому что исходит из измерения, закрытого для нас. Мы живем в естественном мире — мире природы, настолько испорченной, что она пятнает красоту, сияющую из мира сверхъестественного. Прекрасное пробивается сквозь завесу греха, своим величием являя трансцендентную первопричину всего сущего. И эти проникновения его в наш мир являются свидетельствами существования его во всей полноте, а возможность вкусить красоту уже сейчас — это подтверждение обетования, что мы в конце концов взойдем в это высшее измерение и соединимся с тем, к чему действительно стремимся. Но это произойдет не сейчас. Сейчас наше место — в этом мире, где мы должны исполнить свое предназначение, прежде чем соединимся с прекрасным, которое не дает нам покоя. Прежде чем пить вино, нужно выдать виноград.

Многие поэты, композиторы и писатели красочно описывали это непреодолимое желание броситься вдогонку прекрасному. Р. Толкин в своем рассказе «Листок Ниггла» говорит о художнике, который настолько очарован красотой листьев, что посвящает изображению их всю свою жизнь. Но со временем он обнаруживает, что есть бóльшая красота, и начинает рисовать дерево, затем лес, затем весь пейзаж, а потом свет, который придает красоту пейзажу. Поискам неуловимой красоты Ниггл посвятил бы все свое время, но постоянно отвлекается, чтобы помочь больному и так и не заканчивает свое произведение.

Герой песни Артура Салливана «Потерянный аккорд» — скучающий композитор, сидящий за органом. Его пальцы блуждают по клавишам и случайно нажимают невероятно прекрасный аккорд. Неземное величие аккорда захватывает его душу. Он очень хочет снова найти это сочетание звуков, но ему это не удастся. Наконец композитор понимает, что этот аккорд не принадлежит этой жизни. Его эхо будет звучать у него в сердце до конца его дней, и он услышит «потерянный аккорд» снова только на небесах.

Стихотворение Роберта Фроста «Глядя на лес снежным вечером» рассказывает о том, как в снегопад поэт проезжает мимо леса. Его охватывает желание войти в лес, погрузиться в идиллическую безмятежность и в единении с ней обрести покой. Но он не может этого сделать. Он знает, что влекущие его спокойствие и красота пока ему не принадлежат. Они принадлежат другому миру. А в этом мире он имеет обязательства перед другими людьми, как и он преодолевающими трудности, боль, утраты, горе и нужду. И в этом падшем мире он должен сохранить верность, прежде чем войдет в иной, совершенный мир. Грустно вздохнув, он подгоняет лошадь.

А лес манит, глубок и пуст.
Но словом данным я влеком:
Мне еще ехать далекó,
Мне еще ехать далеко.⁴ (пер. И. Кашкина)

Образ совершенства

Христианское богословие дает объяснение нашего стремления к прекрасному и отчуждения от него. Мы — грешники, живущие в падшем мире. Изначально творение обладало полной, незапятнанной красотой, но грех оказал на нее губительное воздействие, и сейчас нет неповрежденной красоты. Нет полной симметрии, нет лица без недостатка, нет цвета без примеси, нет гармонии без диссонанса. Завеса отделяет наш мир от источника совершенства.

Неясный, но непреходящий образ совершенной красоты за завесой вечно остается в сердце каждого человека. Вот почему, когда лучи этой красоты, побледнев, проникают в наш мир, это привлекает наше внимание и затрагивает чувства. В такие моменты мы ощущаем существование этого изначального совершенства, которое не можем познать в полноте. Видение словно мелькает в нашем подсознании, и мы неспособны избавиться от него. Мы желаем испытать то, на что пока можем лишь взглянуть мимолетно.

Мы можем увидеть это только мельком, потому что в падшем состоянии наши чувства неспособны охватить совершенство. Но даже поврежденная красота, остающаяся в нашем мире, убеждает нас в существовании более великой реальности. И это сознание реальности, но недостижимости прекрасного и объясняет наше стремление к нему.

Прекрасное указывает на реальность идеала. Чем ближе форма, звук и цвет к невидимому идеалу, тем они красивее. Идеал же предполагает существование абсолюта. Если поврежденная красота, которую мы можем видеть в природе, это, согласно Платону, тень, значит вне природы должна существовать реальность, эту тень отбрасывающая, и свет за ней. А реальность всегда значительнее своего отражения. Если существует красота, значит существует Бог, по чьему замыслу она является выражением совершенства. Прекрасное — это словно призыв заглянуть

далее природы и искусства и познать большую реальность, которая и есть невидимый объект нашего стремления. Красота картины привлекает наше внимание к художнику. Вызывающее «мурашки» звучание хора направляет наши мысли на композитора. Восход солнца, цветок, совершенство спортсмена, парение орла указывают на своего Создателя.

Прекрасное не просто указывает на Бога, но также раскрывает Его свойства, которые удивляют даже верующих. Так же, как разум говорит о логичности Его действий, а нравственный кодекс рассказывает о Его характере, красота — если мы задумаемся об этом — раскрывает Его чувства. Красота — это радость, улыбка, смех Бога, Его восторг. Она передает нам, что Богу угодно, чтобы мы не просто существовали, но получали высшее наслаждение от жизни. Прекрасное открывает нам, что действительность не есть чистая механика. Содержание ее — радость. И мы видим это во всем мироздании. И высшая красота, проглядывающая в нашей жизни, — несмотря на все бедствия падшего мира, — придает ей особый смысл.

И эта истина подчеркивает трагичность позиции натуралистов. Мир бесцельной функциональности не идет ни в какое сравнение с возвышенной реальностью, предвещающей прекрасным. Замечательным образом это выражено в словах Хмура, героя детской книжки Клайва Льюиса «Серебряное кресло». В плену злой королевы Подземья, в мире мрака, пещер и болот, находящемся глубоко под его страной, он околдован и почти уверен в том, что придумал прекрасную Нарнию и золотого льва Аслана. Колдунья говорит ему, что темные пещеры — это и есть весь мир. Сбросив чары, он заявляет ей героически и красноречиво:

«Допустим, мы видели во сне или придумали все это: деревья, траву, солнце, звезды и даже Аслана. Но тогда выдумка лучше и важнее реальности. Допустим, это мрачное место и есть единственный мир. Тогда он никуда не годится... Я не предам игрушечного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарниец, даже если нет Нарнии».²

Исключив Бога, натуралисты ссылают себя в такой подземный мир, лишенный всего драматичного, удивительного, величественного и таинственного. Он никуда не годится по сравнению с насыщенным красотой миром верующих.

Натурализм бессилён объяснить красоту. Красота в натуралистическом мире — это роза, которая выросла бы из навозной кучи. Если нет ничего, кроме этой кучи, откуда взяться розе? Но существование розы легко объяснить, если реальность не ограничивается навозной кучей, — если в нее было брошено семя из источника выше ее. В этом и заключается христианская позиция. Неверующим следовало бы хотя бы попробовать допустить, что прекрасное не иллюзия. Прекрасное дает нам уверенность в том, что за пределами нашего поля видения существует сила, которая заботится о нас и желает, чтобы мы познали радость.

И здесь необходима осторожность. Красота оказывает на нашу душу такое мощное воздействие, что многие видят в ней высший опыт и пытаются обрести полноту в том, что лишь указывает на высшую реальность. Мы слышали от многих людей, что величайший духовный опыт им дает природа, искусство, музыка и любимый человек. Так Божий дар воспринимается как сам Бог.

Прекрасного в отдельности от его первоисточника недостаточно, чтобы дать нам вечную радость. Оно лишь ведет нас к радости. Бог дает нам прекрасное, чтобы оно приводило нас к Нему. Истинную сущность красоты мы познаём лишь в общении с Ним.

Вопросы для размышления и обсуждения

1. Красота существует лишь в нашем восприятии? Почему?
2. Что такое «красота» с точки зрения натуралиста?
3. Как натуралистическое понимание «прекрасного» выворачивает реальность наизнанку?
4. Почему натуралисты не принимают идеи, что красота предполагает наличие замысла?
5. Что такое «красота» с точки зрения христианина?
6. Каким образом прекрасное указывает на сверхъестественное?
7. Почему красота не способна удовлетворить стремления, которые она пробуждает? Что может эти стремления удовлетворить?
8. Почему в общении с природой невозможно обрести духовную полноту?

ВОЗНИКЛА ЛИ ВСЕЛЕННАЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ КОСМИЧЕСКОЙ СЛУЧАЙНОСТИ?

Многие из нас могут вспомнить, как летней ночью лежали на траве и всматривались в таинственно мерцающую высь неба. Среди бесчисленных небесных тел и созвездий мы находили Полярную Звезду, Большую Медведицу, дымку Млечного Пути. Когда мы в благоговении смотрим вверх, нас поражает, что мы видим лишь некоторые из звезд нашей галактики — одной из миллиардов в космосе. Мы осознаем свою ничтожность, и понимаем, что наша планета — это только крошечная пылинка в простирающейся во все стороны бесконечной вселенной.

И тут наши мысли заходят в тупик. Мы не можем себе представить, чтобы что-то не имело конца, — ведь всё где-то заканчивается. А если мы воображаем себе этот конец — может быть, в виде стены или оболочки гигантского пузыря, — возникает вопрос: а что находится дальше этой границы? Мы не можем представить себе вселенную — ни конечную, ни бесконечную. Наш ум бессилен охватить беспредельность.

То же можно сказать о времени. Мы не можем вообразить начало или конец времени. Единственное, что у нас

получается представить, это больше времени. Поскольку всё в нашем опыте имеет начало и конец, вечность для нас непостижима.

То же касается и материи, из которой состоит вселенная. Существовала ли она всегда, или начала существовать с какого-то момента в прошлом? И первое, и второе необъятно для нашего предельного мышления. Теория большого взрыва также не отвечает на наш вопрос. Откуда взялся тот небольшой, невероятно плотный сгусток материи, продуктом взрыва которого является вселенная?

Но больше всего споров вызывает вопрос о происхождении жизни. Возникла ли она благодаря случайности или же была создана намеренно? Или, может быть, жизнь существовала всегда и не имеет начала? Эти вопросы стали задаваться после того, как Чарльз Дарвин сформулировал свою теорию происхождения жизни. С тех пор непримиримые споры между сторонниками креационизма и эволюции не утихают.

Достичь определенности невозможно, не разобравшись с вопросом происхождения — особенно происхождения жизни.

Можем ли мы исходить из бытия Творца? Или натуралисты тоже имеют солидное основание для своих доводов? Прежде всего, попробуем вникнуть в теорию эволюции.

Чем плоха теория эволюции?

В светском мире общепринята эволюционная теория развития органического мира, начало которой было положено Чарльзом Дарвиным в работе под названием «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь».¹ Теория эволюции формулируется в различных, меняющихся вариациях, но суть ее состоит в том, что жизнь возникла благодаря случайности. Получилось так, что при определенных идеальных условиях определенные химические элементы соединились в клетку. Электрический разряд побудил ее к жизни, и она стала делиться по схеме митоза.

Постепенно эти воспроизводящиеся клетки соединялись с другими во все более сложные структуры и образовали растения и животных. За миллионы лет эволюции у некоторых животных развилась способность мыслить, и постепенно появилась высшая ступень живых организмов — человек разумный.

У большинства из нас не хватает научных знаний, чтобы разобраться в сложных доказательствах эволюции. Но все аргументы в ее поддержку отвлекают внимание от главного: изучая естественный отбор, мутации и окаменелости, мы не найдем доказательств ее правильности. Эти и прочие аргументы не более чем орнамент вокруг изначально неверного учения. И не нужно быть доктором наук, чтобы за этими украшениями разглядеть суть. С точки зрения элементарного здравого смысла эта теория представляет собой плод нездорового воображения.

Эволюция предполагает приостановку действия законов, в чем не может быть перерывов и исключений. Теория исходит из того, что произошли три вещи, нарушающие естественный порядок. Никто не видел, как они происходили, наука не может их воспроизвести, и разум их не допускает, но теория эволюции может быть правильной только при условии, что они имели место. Кратко рассмотрим их.

1. Согласно теории эволюции, из хаоса произошел порядок. Это предположение не согласуется с непоколебимыми законами природы. Порядок не может возникнуть из хаоса. Но чтобы теория была справедливой, мы должны поверить, что беспорядочно движущиеся атомы и молекулы могли собраться в сложные и упорядоченные соединения. Это однозначно тому, что краска, капающая из дырявой банки, может образовать, например, Джоконду. Идея порядка из хаоса противоречит закону возрастания энтропии (Второму закону термодинамики), согласно которому макросистема стремится к равновесному состоянию, в котором уже невозможны дальнейшие энергетические превращения. Или, говоря проще, движение происходит от лучшего состояния к худшему. Предоставленное самому

себе, всё изнашивается, разрушается, разваливается и ломается. Жизнь идет к смерти, органическое разлагается в неограниченное. Звезды гаснут. Планеты замедляют свое движение по орбитам. Энергия расходуется, ресурсы истощаются. Вселенная неотвратно приходит в упадок.

Согласно же теории эволюции, в действии закона энтропии имеют место исключения, и на некоторых участках вселенная становится все более упорядоченной, организованной и эффективной. К сожалению для сторонников этой теории, данных о происходящем где бы то ни было прогрессе, движении вверх нет, как и нет научных ему подтверждений.

2. Согласно теории эволюции, из неживого возникло живое. Происхождение живого из неживой материи противоречит и здравому смыслу и науке: смерть не может произвести жизнь. Теория не была доказана экспериментально, хотя это пытались сделать неоднократно. Никогда в истории ни у кого не получилось сделать так, чтобы мертвая материя дала начало жизни, и никто не был свидетелем такого явления. Теоретики до мельчайших подробностей описали условия и процесс возникновения жизни на клеточном уровне, но никому не удалось создать простейший организм или оживить клетку в лабораторных условиях, самым тщательным образом смоделированных. Наука, опыт и здравый смысл убеждают нас, что жизнь может произойти только от уже существующей жизни. Вселенная, в которой существуют только неорганические элементы, так и останется безжизненной. И думать иначе значит ставить основополагающие принципы науки с ног на голову.

3. Согласно теории эволюции, из мертвой материи развился человеческий разум. Когда произошел большой взрыв, мыслящих организмов не существовало, но постепенно из хаоса возникло сложнейшее устройство, способное рассуждать, — человеческий мозг.

Какая природная сила могла к этому привести? Какой естественнонаучный принцип объясняет спонтанное возникновение мыслящего существа из неорганической мате-

рии? Ответ может быть только один: такой силы и такого принципа не существует.

Эти три основополагающих положения теории эволюции по сути иррациональны. От нас требуется поверить, что из ничего может возникнуть что-то, что мотор может работать без топлива и ключа зажигания. Мы все знаем из школы, что такого не бывает и не может быть. Наука и здравый смысл **вместе** (а только так и должно быть) говорят нам, что следствие не может превосходить причину. Мяч, который мы бросаем, не может в какой-то момент полететь быстрее, чем в начале полета. И если мы мяч роняем, он не может подпрыгнуть на высоту бо́льшую, чем та, с которой он упал. Накормив курицу килограммом зерна, мы не можем ждать от нее два килограмма яиц. Масса вещества после реакции не может быть больше массы до реакции. Из безжизненного хаоса не может возникнуть упорядоченная жизнь. Причинность объективна и всеобща. Однако сторонники теории эволюции хотят, чтобы мы поверили, что имело место исключение, несмотря на то, что исключений никто никогда не наблюдал и не продемонстрировал.

Наука или теория?

В основе идеи эволюции — философия иррациональной вселенной. Вселенная может быть только такой, если в ней нет Бога (гл. 3), и теория эволюции подтверждает правильность этого вывода. Наука, строящаяся на наблюдениях, эксперименте и обобщении, представляет нам рациональную вселенную, подчиняющуюся порядку и непреложным законам. Признав эволюцию, мы должны отвергнуть очевидное и логике причинно-следственных связей предпочесть иррациональность воображаемых исключений. Эволюционисты понимают, что нельзя одновременно признавать и науку, и антинаучную теорию. Чтобы разрешить дилемму, они пытаются представить свою гипотезу происхождения жизни как проверенную научную истину. Например, журналист Томас Хейден утверждает:

«Эволюция, говорят ученые, уже не просто «теория». Это обычное дело и фундаментальный факт биологии, такой же реальный как голод и неизбежный как смерть».²

Д-р Филлип Джонсон, преподаватель юриспруденции Калифорнийского университета, чья безупречная логика побудила многих известных эволюционистов задуматься, называет это необоснованное заявление очень масштабным выводом из очень скромной посылки. Наука говорит, что под влиянием селекции и изменившихся условий внешней среды внутри вида могут возникать модификации. «Но биологам-эволюционистам недостаточно просто объяснять механизм изменчивости, — пишет Джонсон. — Они стремятся дать ответ на более широкий вопрос: как возникли сложные организмы, такие как птицы, цветы и человек». Простой факт приспособляемости вида не может служить обоснованием невероятно масштабного заявления, что результатом непрерывного процесса усложнения являются виды и жизнь вообще. «Неодарвинизм в широком смысле, — продолжает Джонсон, — это философское учение, настолько необоснованное эмпирически, что [преподаватель Гарварда] Стивен Джей Гулд однажды опрометчиво объявил его «законно мертвым».³

Теории происхождения материи и жизни не стыкуются с истинной наукой, поскольку их нельзя доказать научно. Наука по определению не выходит за рамки познания природы. Объяснение происхождения не может быть дано исключительно средствами науки, следовательно, события, которые привели к образованию материи, жизни и разума, лежат за пределами научного исследования. Нет естественнонаучного способа ни получить сведения о первопричинах, ни объяснить действительность. Вопрос о происхождении — это вопрос не науки, а метафизики.

Ученые выходят за границы естествознания, когда пытаются объяснить происхождение всего сущего или заявляют, что Бог не существует, так как не отмечается их приборами. Если Бог существует, то Он сверхъестественен и, значит, существует над естественным миром и вне пределов досягаемости средств науки. Рассчитывать на то,

что Бога можно отыскать в природе, — это то же самое, что пытаться найти кондитера внутри суфле. И когда ученые утверждают, что ничего не может существовать вне естественной вселенной, потому что научные знания туда не достают, они проявляют чрезмерную самоуверенность. С таким же успехом мы могли бы сказать, что за горизонтом ничего нет, потому что мы не можем туда заглянуть, или рыба могла бы считать, что нет ничего, кроме ее пруда. Это просто дерзость со стороны ученых заявлять, что только наука способна дать нам отчет обо всем, что существует. Если данных недостаточно, от окончательного вывода следует воздержаться. Занимаясь проблемой происхождения, ученые выходят за пределы возможностей науки, а, выдавая недоказанную теорию за факт, они нарушают нормы этики.

Представляя философское мнение как факт, эволюционисты пренебрегают общепринятыми правилами научного наблюдения и доказательства. Они продвигают свою теорию несмотря на то, что она нелогична и противоречит принципу энтропии. Эта теория выглядела бы просто глупо, если бы не поддержка ученых. А они поддерживают ее, потому что она очень нужна, чтобы прикрыть зияющий пробел в превалирующей философии. Эволюционизм никогда не воспринимался бы серьезно, если бы не необходимость объяснить происхождение мира без участия Бога.

Многие ученые настолько убеждены в непогрешимости выводов науки о реальности, что даже само предположение о существовании чего бы то ни было вне природы для них невозможно. Но сверхъестественное неизбежно напоминает нам о себе. Можно вообразить только два варианта происхождения всего сущего, — и оба они сверхъестественны. Действительность либо самобытна, либо бытие возникло из ничего. Вряд ли кто-то может серьезно воспринимать вторую возможность, и поэтому мы не будем ее рассматривать. С точки зрения чистого натурализма существование невозможно просто потому, что не поддается объяснению. Однако мы существуем, и существует

мир вокруг нас. Но, несмотря на то, что бытие естественнонаучному и рациональному объяснению не поддается, ученые натуралисты не допускают существования сверхъестественного, и просто обходят вопрос о происхождении материи. Они рассматривают ее как нечто само собой разумеющееся и переводят внимание на возникновение живых существ в результате эволюционного развития материального мира.

Такое расположение ученых к этой сомнительной теории подвергает серьезной опасности как научный метод, так и сам научный прогресс. Если ученые отказываются от принципа объективной истинности, наука более не может считаться надежным методом познания. Если принцип энтропии действует параллельно принципу движения от простого к сложному, если материя появляется из ничего, если энергия производит сама себя, если жизнь самопроизвольно возникает из неживой материи, тогда возможна любая магическая и нелогичная невероятность. Если вселенная настолько иррациональна, значит, на научный метод полагаться нельзя и научное предвидение и научный прогресс невозможны.

Приятно знать, что столь далеко зашли не все. Очень уважаемые ученые высказывают свое несогласие с коллегами.

Один из основателей NASA, д-р Роберт Джастроу говорит, что творение — это тайна, которую наука никогда не сможет исследовать. «Хотя я агностик и неверующий, — поясняет он, — я все-таки не перестаю размышлять о том, что сказал английский астрофизик Э. А. Милн: «Мы не можем делать предположений о состоянии вещей [в начале], — Божественному акту творения нет свидетелей».⁴ Касательно вопроса происхождения жизни Джастроу пишет: «Ученые не располагают доказательствами того, что жизнь не возникла в результате творения, но характер их профессии вынуждает их искать объяснение происхождения жизни в рамках естествознания».⁵

Даже антрополог Томас Гексли, сам называвший себя «бульдогом Дарвина», сознавал, что наука не может ис-

ключить участие Бога в происхождении вселенной: «Я не вижу препятствий к тому, чтобы представить, что наша вселенная существовала не всегда и возникла в шесть дней (или моментально, если угодно) по воле некоей безначальной Сущности».⁶

Правящая элита науки, образования и средств массовой информации в подавляющем большинстве категорически не приемлет таких здравых непредвзятых суждений. Они узурпировали науку, чтобы не допустить даже возможности сверхъестественного.

А как же ископаемые останки?

Если отрицать эволюцию, то как мы объясним тот факт, что палеонтологи время от времени откапывают кости человекоподобных существ? Если это — останки антропоидов, то разве они не доказывают эволюцию?

По мнению эволюционистов, такие останки являются подтверждением эволюции. Однако кости сами по себе не являются основанием для такого вывода. Если бы эволюция действительно имела место, они могли бы служить ее примерами. Но толковать их в качестве подтверждений эволюции можно только исходя из того, что она является установленным фактом.

И ископаемые останки представляются как доказательство эволюции только потому, что палеонтологи хотят их так понимать. Но такое толкование необъективно и не учитывает других возможных вариантов. Существование костей, подобных человеческим и обезьяньим, не означает, что они принадлежали людям или обезьянам. Они могут быть останками других, например, вымерших обезьяно— или человекоподобных животных, не родственных человеку. Мы не знаем, какие существа обитали на земле в ее далеком прошлом, и заявление, что их кости иллюстрируют этапы эволюции, совершенно необоснованно.

Непредубежденным ученым находки палеонтологов ничего не говорят о происхождении человека. Французский палеонтолог Пьер-Поль Грассе подчеркивает: «Ввиду почти

полного отсутствия окаменелостей... любое объяснение механизма эволюции сложных систем является в высшей степени гипотетическим. Это должно служить эпиграфом ко всем книгам об эволюции. Нехватка прямых доказательств ведет к чистым догадкам касательно происхождения видов. У нас нет ничего, на основе чего мы могли бы хотя бы приближенно судить о правильности этих мнений». ⁷ Когда д-ра Колина Паттерсона, возглавляющего отдел палеонтологии Британского Музея естественной истории, спросили, почему в его книге об эволюции нет примеров окаменелостей переходных форм, он ответил: «Если бы такие примеры, окаменевшие или живые, были мне известны, я бы их непременно включил. Вы скажете, художник должен уметь представить себе такие трансформации, но где ему взять данные о них? Скажу честно, я такими данными не располагаю, а если бы я позволил себе художественный вымысел, разве я таким образом не ввел бы в заблуждение своего читателя?» ⁸

Ученых, преданных теории эволюции, очень смущает отсутствие окаменелостей переходных форм, которые окончательно подтвердили бы ее правильность. Ричард Доукинс написал о «кембрийском взрыве»: «[Окаменелости] располагаются без эволюционной последовательности. Нет нужды говорить, насколько [это]...радует креационистов». ⁹ Самого Чарльза Дарвина очень беспокоило отсутствие окаменелостей, подтверждающих эволюцию. «Согласно этой теории, — писал он, — должно было существовать бесчисленное множество переходных форм. Почему мы не находим их, отложившихся в земной коре? Почему в природе мы видим не путаницу переходных форм, а четко определенные виды?» ¹⁰

То, что ископаемые подтверждения процесса эволюции так и не были обнаружены, заставило зоолога из Оксфорда Марка Ридли сделать вывод, что «в любом случае, настоящий эволюционист не использует данные окаменелостей как аргумент в пользу эволюции (постепенной или прерывистой) и против сотворения». ¹¹ И все же, несмотря на столь здравые предостережения, многие палеонтологи на-

столько преданы теории эволюции, что упорно продолжают делать очень далеко идущие выводы из скудных и неопознаваемых с достаточной определенностью образцов.

В наше время нелегко оставаться непредубежденным. Мы все стремимся к знанию, но, когда истина не легкодоступна или неприятна, мы нередко добавляем к своему мнению сырой материал и выдаем это всё за доказанный факт. И эволюция, несмотря на все заявления, не факт, а теория. Очень часто данные истолковываются в пользу теории, которая является для них исходной посылкой. Логическая ошибка, когда определение подменяется изменением формы определяемого понятия, — это тавтология. Это явный круг в доказательстве. Мы знаем, что теория эволюции верна, потому что мы обнаружили кости эволюционировавшего человека. Мы убеждены, что это кости эволюционировавшего человека, потому что знаем, что теория эволюции верна.

Очень жаль, но ископаемые останки идут без бирок. И палеонтологи называют и описывают их так, чтобы это соответствовало их теориям. Догматики-эволюционисты настаивают, что эти кости иллюстрируют этапы развития человека. А догматики-креационисты могут уверять, что это остатки человека, или обезьяны, или неродственного им вымершего вида. Необоснованны заявления как одних, так и других, поскольку мертвые, как известно, молчат. Истина в том, что никто не может со всей определенностью сказать, что это за кости. Об этом можно только гадать.

Почему люди верят в эволюцию?

Вы можете подумать, что мы всё сильно преувеличили. Теория не может быть настолько необдуманной и ненаучной, какой мы ее изобразили. Она слишком популярна и неотделима от современного образа мыслей. Подавляющее большинство ученых, преподавателей, писателей и философов, которые определяют общественное мнение, являются эволюционистами. И это просто дерзость со стороны дилетантов подвергать сомнению мнение специалистов.

Мы в нелегком положении. С одной стороны, мы не можем не признать ограниченность своих знаний. С другой стороны, нельзя позволить себе отступить перед мнением людей предубежденных — экспертов, чья позиция не выдерживает критики. И конечно, неправильно молчать, когда наука используется как аргумент в поддержку антинаучных утверждений.

История учит, что преобладающая точка зрения далеко не всегда соответствовала истине, и что выступления против популярного мнения всегда вызывали неодобрение и осуждение.

Галилей сбросил с Пизанской башни шары с разной массой, чтобы показать, что сила тяготения действует на все тела одинаково. Несмотря на неопровержимое доказательство его правоты, Галилея выгнали из университета, — его открытия противоречили общепринятым принципам аристотелевой физики, одобряемым церковью и научным сообществом.

До Коперника во всех университетах учили, что небесные тела обращаются вокруг Земли. Хотя Коперник продемонстрировал ошибочность этой теории, в течение двухсот лет его сочинения были запрещены церковью, потому что противоречили общепринятому мнению, что Земля является центром вселенной. Потребовалось бы не просто внести изменения в учение, программы и учебники. Самое главное, пришлось бы признать, что достойные учителя всю жизнь поддерживали и преподавали ошибочную теорию.

Мнение может быть ошибочным независимо от того, насколько широко оно поддерживается. Однако история показывает, что заблуждения — даже самые популярные — не живут долго. Поддерживая эволюционизм и игнорируя разумные альтернативные мнения, ученые могут сохранить лицо и репутацию сегодня. Но, когда в конце концов эта теория потерпит крах (а это непременно произойдет), история поставит эволюционистов в один ряд с теми, кто верил в алхимию, в кровопускание и в то, что земля плоская. Малколм Маггеридж, философ и редактор журнала «Панч», сказал: «Лично я убежден, что теория

эволюции и особенно масштаб ее использования станут когда-то одним из замечательнейших исторических анекдотов. Наши потомки будут поражаться тому, как столь шаткая и сомнительная гипотеза могла быть принята с такой легковерностью». ¹²

Со времен Галилея человеческие знания значительно выросли, но не изменилась человеческая природа. Если истина не легко доступна, люди по-прежнему предпочитают держаться за полюбившиеся им теории. Они привязываются к ним, как дети к своим плюшевым мишкам, и, чтобы они расстались с ними, одних аргументов обычно недостаточно.

Когда теория набирает силу, противостоять ей не могут никакие рассуждения и никакая истина. Когда она становится преобладающей, другие точки зрения просто не принимаются во внимание и зачастую отвергаются с открытой враждебностью. Общераспространенное мнение словно вырабатывает защитные антитела, которые расправляются с любой чужеродной мыслью. Например, идею, что какая-то раса (или пол) может в каком-то отношении превосходить другую, в настоящее время невозможно было бы обнародовать, обсудить и объективно изучить. Любой намек на такую возможность был бы воспринят как угроза идеалу равенства людей. Какими бы объективными и обоснованными ни были результаты исследования, весьма маловероятно, что они были бы рассмотрены.

Социальная установка действительно препятствует восприятию факта. Истине чрезвычайно трудно пробиться через стереотип. Большинство из нас даже не подозревает, насколько мы преубеждены.

Как получилось, что эволюционизм занял господствующее положение? Чарльз Дарвин выдвинул эту теорию в своем сочинении «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859). Она получила признание после того, как привлекла внимание таких влиятельных мыслителей, как Томас Гексли, Джордж Бернард Шоу и других, которые увидели в ней интеллектуальный аргумент в поддержку атеизма. В эволюцию стали верить все, кто хотел продемонстрировать смелость и независимость мышления.

Поскольку смелые идеи всегда вызывали интерес, эволюционисты сразу стали баловнями прессы. После того, как среди светской и образованной публики стало принято верить в эволюцию, значительная часть общества приняла эту теорию, не потрудившись проверить ее на предмет рациональности. Для них было достаточно, что ее одобрили уважаемые люди.

Воспротивились, в основном, религиозные консерваторы, которые придерживались библейской позиции креационизма, заключающегося в том, что мир был создан Богом. Со временем эволюционизм сильно потеснил религию, низведя ее до уровня частного мнения.

С тех пор инициатива принадлежит эволюционистам. Они отвлекли внимание от нелогичности и слабости теории, неправомерно позиционировав ее как аргумент против религии: вера или факты. Верующих заклеили как ограниченных и твердолобых людей, у которых не хватает ума отказаться от устаревших религиозных убеждений. Даже сейчас средства массовой информации продолжают изображать сторонников теории эволюции как идущих в ногу со временем интеллектуалов, а ее противников — как людей невежественных и примитивных.

Хорошую службу эволюционистам сослужила общая вера во всемогущество научного знания. Наука достигла таких успехов, что многие стали думать, что ее возможности вообще безграничны. Кто-то считает, что со временем наука решит все проблемы, с которыми сталкивается человечество, справится со смертью и создаст новый рай на земле. Поэтому, когда ученые выдвигают теорию, согласно которой Бог в традиционном христианском Его понимании перестает быть необходимым, многие не видят в этом большой потери. Им не нужны боги, если о них позаботится наука.

Принесение разума в жертву

В этой главе уже упоминалась идея, которая может быть ключевой в объяснении популярности теории эволюции. Эволюция предлагает что-то такое, ради чего многие

готовы пожертвовать здравым смыслом. Они хотят, чтобы над миром не было Бога, и именно такую вселенную им предлагает эволюционизм.

Может показаться странным, что разумные ученые принимают неразумную теорию в качестве истины только для того, чтобы освободиться от идеи Бога, недостижимого для науки. Но многие ученые в моменты откровенности прямо признавались в этом. В качестве примера часто приводятся слова Д. М. С. Уотсона, преподавателя Лондонского университета: «Эволюция принята не потому, что ее истинность может быть логически последовательно подтверждена, но потому, что нелегко поверить в ее альтернативу — сотворение».¹³ Другими словами, д-р Уотсон говорит, что мы не располагаем доказательствами эволюции, но все равно верим в нее, потому что если бы мы в нее не верили, нам пришлось бы верить в сотворение мира Богом, во что верить мы не хотим.

Заявление д-ра Уотсона поразительно. Это прямое признание, что он поверил в теорию, которая — как ему известно — не может быть подтверждена научно, чтобы не верить в Бога. И его позиция подтверждает правоту нашего утверждения, что происхождение — вопрос не науки, а метафизики. Эволюция не факт, а теоретический аргумент философии, согласно которой не существует ничего, кроме природы. Вера д-ра Уотсона в эволюцию не научна, она философична. Его философия состоит в том, что верить в сотворение мира невозможно. Эта идея не согласуется с наукой, и поэтому он принял идею эволюции — не потому, что она подтверждается наукой, а потому что она соответствует его философской позиции.

Когда ученые, подобно д-ру Уотсону, делают заявления, касающиеся метафизики и сверхприродного, они выходят за пределы своей области и, следовательно, их выводы не являются заключениями экспертов. Высокое положение ученых они используют для поддержки собственной философской позиции. Поэтому их заявления имеют не больший вес, чем мнение, например, бухгалтера, футболиста, художника, шутка или рок-певца.

И Уотсон не одинок в своих взглядах. Кроме него, другие известные ученые также признавались, что придерживаются теории эволюции, несмотря на ее недостатки, потому что это единственная альтернатива сотворению. Профессор биологии Гарвардского университета Джордж Уолд вторит Уотсону: «Возможны только два объяснения происхождения жизни. Одно — это самозарождение и эволюция, и другое — сверхъестественное сотворение Богом. Третьего не дано. Теория самозарождения микроорганизмов из неживой материи была опровергнута 120 лет назад Луи Пастером и другими. Таким образом, остается только одна возможность — сверхъестественное сотворение жизни Богом. Это неприемлемо для меня с философской точки зрения, потому что я не хочу верить в Бога. Следовательно, я предпочитаю верить в то, что, как я знаю, невозможно с точки зрения науки — в самозарождение и эволюцию жизни».¹⁴ Известный генетик Ричард Луонтин писал: «Мы принимаем сторону науки, несмотря на явную абсурдность некоторых ее построений, несмотря на ее неспособность сдержать свои непомерные обещания касающиеся здоровья и жизни, несмотря на терпимость научного сообщества к совершенно необоснованным заявлениям, потому что для нас большее значение имеет другое — приверженность материализму. И не потому, что методы и установления науки убеждают нас принять материалистическое понимание мира, но, напротив, потому, что наша приверженность *a priori* материальному побуждает нас к созданию инструментария исследования и системы концепций, которые дают материалистическое объяснение, каким бы непостижимым и непонятным оно ни было для непосвященных. Более того, материализм есть абсолют, поскольку мы не можем допустить Божественной Инициативы».¹⁵

Несмотря на отсутствие доказательств, несовместимость с законами природы и явную нелогичность и непоследовательность теории эволюции, натуралисты настаивают на ее истинности, потому что это единственная альтернатива сотворению мира Богом. И, чтобы оправдать

такое невероятное упорство, они выказывают слепую, но упрямую веру, что когда-то недостающие элементы и рациональные доказательства будут обнаружены, и все сомнения относительно эволюции отпадут. Но, судя по всему, ничего не изменится, даже если такие доказательства и не будут найдены. Многие будут продолжать держаться за устраивающую их теорию, чтобы ни в коем случае не допустить возможности сверхъестественного.

Люди отвергают Бога не исходя из фактов и логики, — они отвергают Его, потому что так хотят. Они не приемлют идеи Бога и Его верховенства над жизнью человека. Они понимают, что, признав Его реальность, они будут вынуждены признать свою ответственность перед Ним, а они желают сохранить свою самостоятельность. Люди хотят верить во что-то другое, исключающее сверхъестественное, и этим другим для них является эволюция: если мы произошли от низших животных, мы не подотчетны высшей власти.

Все ли ученые эволюционисты?

Есть признаки того, что автоматическое признание теории эволюции среди ученых идет на убыль, и что более тщательное ее изучение и более критический подход начинают пробивать себе дорогу. Мыслящие ученые обнаруживают ее нелогичность и несовершенство. Конечно, они не начинают все поголовно верить в Бога и не отвергают теорию эволюции полностью, но они, наконец, начинают видеть ее непреодолимые недостатки. И некоторые из них осмеливаются высказываться, несмотря на давление со стороны коллег и угрозы, нередко применяемые к тем, кто не придерживается общей линии. Теория эволюции слишком уязвима, и научное сообщество чрезвычайно чувствительно к проявлениям независимого мышления.

Широко известен пример проявления такой объективности со стороны д-ра Колина Паттерсона из Британского музея естественной истории. Его выступление 5 ноября 1981 г. перед 50-ю коллегами из Американского музея ес-

тественной истории вызвало у них бурю негодования. Он задал простой вопрос, известно ли им что-то в теории эволюции, что безусловно является истиной.

Другой англичанин, астрофизик, сэр Фред Хойл, написал в своей книге: «Не существует ни малейших объективных свидетельств в пользу гипотезы, что жизнь на Земле произошла из первобытного органического бульона».¹⁶ Канадский зоолог д-р Майкл Руз, один из ведущих сторонников теории эволюции, в 1993 г. потряс своих слушателей на собрании Американской ассоциации за прогресс науки, когда признался, что понял, что дарвинизм основывается на философских допущениях в не меньшей степени, чем на принципах науки.¹⁷

Если в рядах ученых будет появляться больше честных мыслителей, у которых достаёт мужества заявить о своих открытиях, мир скоро узнает о несостоятельности теории эволюции. Другое представление о происхождении жизни рассматривается в следующей главе.

Вопросы для размышления и обсуждения

1. Почему теория «большого взрыва» бессильна объяснить происхождение материи?
2. В чем недостаток теории, что жизнь и разум эволюционировали из неживой материи?
3. Почему эволюция не может считаться научным фактом?
4. Являются ли ископаемые кости, подобные человеческим, доказательством правильности теории эволюции? Почему?
5. По какой причине истина часто замалчивается?
6. Почему вполне здравомыслящие люди упорно придерживаются теории эволюции, несмотря на ее нелогичность и отсутствие доказательств?
7. Почему одобрение теории эволюции учеными угрожает самой науке?

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВЕРЫ

Библия тоже начинается с «большого взрыва». В одном коротком предложении она дает описание происхождения — альтернативное натуралистической эволюции. В нем сказано, что все сущее было создано самобытным Богом: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1).

Конечно, нехристиане в это не верят. Они считают, что сотворение — это миф, представляющий происхождение вселенной так, чтобы это было понятно простому человеку. Другие говорят, что эта идея просто была общепринятой (подобно тому, как некогда земля считалась плоской), пока наука не разоблачила ее ошибочность. И те, кто продолжает придерживаться библейской точки зрения, — это просто необразованные, ограниченные люди, ослепленные религией и нежелающие отказаться от поддержки, которую видят в Боге, несмотря на все неопровержимые доказательства несостоятельности их веры.

А для кого-то вопрос о правильности или неправильности библейской версии событий вообще не стоит. Они не приемлют Библию вообще, потому что их отвратило от нее поведение христиан, с которыми они знакомы. Они

столкнулись с нетерпимостью и лицемерием тех, кто ходит в церковь, с нравственным разложением церковных служителей и телевизионных проповедников и сделали для себя вывод: «Если это и есть христианство, я не хочу иметь с ним ничего общего». Они не допускают, что Библия может быть истиной несмотря на никуда не годное представление ее учения.

Но что бы ни думали о Библии неверующие, в ней содержится реальная альтернатива натурализму. И нехристианам, которые действительно хотят обрести определенность в жизни, следовало бы переступить через выработанное у них неприятие Библии и рассмотреть ее учение серьезно.

Границы нашего разума

Некоторым людям нелегко принять идею творения, потому что Библия не сопровождает его описание никакими доказательствами. Если тот, кто написал Книгу Бытия, хотел, чтобы мы ему поверили, почему он не дал фактов, цифр, формул? Или, скажем, уравнений или схем? Слова «в начале» ничего о самом начале не говорят. И то, что в описании упоминается Бог — как будто его существование для всех само собой разумеется, — еще не убеждает в том, что он существует на самом деле.

На первый взгляд библейская версия происхождения мира ничуть не более рациональна, чем эволюционная. Согласно и одной и другой предполагается, что что-то было всегда. В эволюции, это материя, а в Библии это Бог. Ни одно, ни другое недоказуемо научно, так как концепция самобытия находится вне области научного исследования. Почему более разумно исходить из самобытия Бога, а не материи? Мы не располагаем эмпирическими подтверждениями Его существования, а современному человеку трудно согласиться с реальностью сверхъестественного безначального разумного существа. Если разобраться, то идея Бога точно так же противоречит здравому смыслу, как и натуралистическая теория происхождения мира.

Да, ни Бога, ни естественное происхождение рационально обосновать невозможно. Мы осознаём, что рассуждения не могут помочь нам в этом. Мы вспоминаем ночное небо и свое бессилие охватить бесконечность пространства и времени. И христиане, и натуралисты вынуждены признать, что обе версии происхождения мира одинаково непостижимы для человеческого мышления. Рассудку они просто неподвластны.

Наш здравый смысл говорит нам, что все, что существует, было чем-то вызвано, — то есть, что-то предсуществовало ему. Но это означает, что у всего должна была быть перво— и самопричина. Наш ум не может вообразить что-то, в чьем бытии не было начала, — а это предполагают и натуралистическая и теистическая альтернативы. Разум не приемлет ни идеи самодвижущейся материи, в которой самозарождается жизнь, разум, добро, прекрасное и цель, ни самобытного Бога, по чьей воле начал существовать естественный мир. Однако же одна из этих идей должна соответствовать истине, потому что бытие необъяснимо без самобытия как первопричины.

Хотя разум не может эти концепции понять, рассудок убеждает, что одна из них правильна. И сделать выбор ему под силу. Понимание идеи не является неременным условием ее принятия как истины.

Герои романа Эдвина Эббота¹ — двухмерные существа, населяющие плоский мир, более тонкий, чем лист бумаги. Они не могут себе представить третье измерение (высоту), потому что оно находится вне их опыта и способа существования. Однако один из них делает открытие, что третье измерение существует, хотя он и не может себе представить, какое оно. Подобным образом и мы, живущие во времени, не можем представить себе существование чего-то, не ограниченного временем. С точки зрения нашего мира, в котором моменты последовательно сменяют друг друга в движении от прошлого через настоящее к будущему, всё должно иметь начало и конец. Идея безначальности находится вне нашего опыта и рационального осмысления.

Что же делать, когда мы стоим перед необходимостью выбора из двух концепций, неподвластных рассудочному

мышлению? Примем решение, подбросив монетку, или остановимся на позиции агностицизма и вообще не будем его принимать? Если мы уважаем себя, такое нам не подходит. Но полагать, что принять можно только то, что нам совершенно понятно, — большая ошибка. Мы не можем рассчитывать на то, что своим умом охватим абсолютную истину во всей ее широте и глубине. Человеку, приученному полагаться на мышление и логику, необходимо мужество, чтобы признать, что для познания истины нужно ступить на неразведанную территорию.

Ограничить себя тем, что доступно рациональному осознанию, — это то же самое, что попытаться защитить ребенка от опасности, закрыв его в темной комнате. Он будет в безопасности от собак, ос и пьяных водителей, но он остановится в своем развитии. Он не испытает радости, которую дают луч солнца, трава, полет бабочки. В подобной «безопасности» будут наши убеждения, если мы будем признавать лишь то, в чем способны разобраться. Мы не испытаем той радости, которую дает познание истины и реальности за пределами возможностей человеческого разума.

Когда люди хотят полностью понять что-то прежде, чем в него поверят, они ставят себя на один уровень с Богом. Они думают, что их ум способен быть высшим судьей и мерилom вещей. Собственный интеллект является для них абсолютom. Но человеческому мышлению до этого уровня далеко. Оно неспособно не только дать ответ на грандиозный вопрос происхождения, — оно не справляется с самыми элементарными повседневными вопросами. Мы ошибаемся в подсчетах. Мы не знаем, куда положили ключи. Мы не можем разгадать кроссворд. И мы хотим осмыслить бытие Бога? И вообще, если бы Бог соответствовал уровню нашего мышления, Он вряд ли был бы достоин внимания.

Чтобы постичь высшую объективную истину, которая придает осмысленность и определенность нашей жизни, мы не можем ограничивать себя возможностями человеческого разума. Мы должны иметь смелость заглянуть

далее того, что способны понять. Мы не можем представить возможность самопричины, но можем признать ее необходимость. Разуму недоступно постижение вечности материи, и, рассмотрев эту посылку натурализма как возможную истину, он должен отвергнуть ее как противоречащую здравому смыслу. Он не может допустить также, что хаотичная материя самоорганизовалась и произвела жизнь, сознание, прекрасное и цель.

С другой стороны, человеческий ум бессилён представить и высший разум, не имеющий ни начала, ни конца. Но, исходя из имеющихся данных, он может признать необходимость бытия Бога, поскольку ничто другое не может быть первопричиной существования материи, жизни и порядка. И, на основе этой объективной необходимости, разум может побудить человека сделать шаг дальше рационального осмысления — шаг веры.

Шаг веры

Вера есть шаг за пределы рассудочного мышления. Через веру мы вступаем в царство, находящееся за границами возможностей нашего сознания. Мы представляем, как само слово «вера» режет слух рационалиста, и причина такого отношения — в неправильном ее понимании. Мы приучены считать, что вера — это противоположность разума. Веру часто представляют как упрямую бездумную приверженность точке зрения, которая не поддается обоснованию, не подтверждена фактами и противоречит здравому смыслу.

Такое определение далеко от истины. Вера ни в коем случае не противоречит фактам и здравому смыслу, — она непременно согласуется с ними. Вера не прыжок в неизвестное, — она следует за рассудком. Разум направляет, а вера действует. На основании данных, предоставленных разумом, вера делает практические выводы. Если разум — фонарь, то вера — его луч. Он пронизывает тьму, проливая свет на умозаключение. Вера исходит из того, что разум принял как истину. Когда разум подходит к обрыву, он

указывает вере на мост, который она должна перейти. Как сказал Дж. П. Морленд, преподаватель философии Университета Байола, верить — значит «полагаться на то, что наш разум признаёт истиной».² Слепая вера, ненаправленная рассудком, не заслуживает ни доверия, ни похвалы. Она подобна шагу в кромешной темноте без всякой гарантии, что вы ступите на твердую почву истины.

Считать, что выбор между Богом и натурализмом определен выбором между верой и разумом, значит, извратить сам смысл вопроса. Вера не противостоит разуму, они союзники: вера недействительна без разума, а разум бессилен без веры. По меньшей мере неточно говорить, что натуралисты приходят к своим выводам посредством рассуждений, а верующие — через веру. Как уже было сказано, первые и вторые в поисках ответа на вопрос происхождения рассуждают, рассматривают имеющиеся данные и анализируют возможности. Исходя из умозаключения, первые и вторые переходят к вере. Остановив выбор на Боге, люди делают шаг веры. Отдав предпочтение натурализму, они тоже делают шаг веры.

В рациональной вселенной не могут быть объективно истинными обе позиции. Правильное мировоззрение не расходится со здравым смыслом и подтверждается фактами, а другое является по сути шагом в темноту. Выбор между Богом и натурализмом сводится к решению, положить в основу своей веры доводы разума или необъективную философскую позицию. Наша задача состоит в том, чтобы определить, какая из двух альтернатив действительно разумна.

Мы должны сопоставить их и установить, какая соответствует реальности. Какая последовательна, а какая содержит в себе противоречия. Какая согласуется с нашим чувственным опытом и представляется соответствующей здравому смыслу. Какая дает объяснение таким необъяснимым явлениям как жизнь, сознание, мышление, нравственность, смысл и красота. В предыдущих главах мы приводили доводы в пользу того, что непротиворечивые ответы на эти вопросы можно найти только в Боге. Или

абсолютом — первоосновой всей реальности — является Бог, или реальность необъяснима и неопределенна. Вот почему мы убеждены в том, что, хотя самобытие Бога непостижимо для рассудка, тот же рассудок признаёт Его существование объективной необходимостью. Концепция Бога не противоречит разуму и не является иррациональной, — она за пределами рассудочного и выше рационального.

Хотя мы неспособны осмыслить сущность Бога, исследуя имеющиеся в нашем распоряжении данные, мы приходим к выводу, что нечто Божественное должно существовать. Неверующих людей удовлетворяет идея некоего первичного движения в темной вселенной, где не существовало ничего, кроме мертвой материи. Но это представление не подходит для нашей вселенной, где есть жизнь, порядок, энергия, цель, радость, любовь и красота, произвести которые природа не в состоянии. Реальность их убеждает нас, что Бог не менее реален, чем элементарные частицы. Разрешающая способность современных микроскопов недостаточна, чтобы их увидеть, но вывод об их существовании нам позволяет сделать действие на атомы, причиной которого могут быть только такие частицы. Бог невидим, но мы можем сделать вывод о Его существовании из проявлений во вселенной, причина которых не может не быть Божественной.

Имеющиеся у нас данные указывают на существование за пределами нашего понимания разумной самопричины. Мы не можем представить себе такого Бога, но наш рассудок признает Его необходимость. Английский ученый-христианин Г.К. Честертон сравнил Бога с солнцем: на него нельзя посмотреть, но без него не видно ничего остального.

Расширение горизонтов

Похоже, многие люди сопротивляются вере в Бога потому, что она посягает на ощущение безопасности, которое им дает их представление о вселенной — о ее законах, природе, рамках. Возможность существования чего-то ино-

го, в чем они не могут разобраться, и что не поддается их контролю, заставляет их чувствовать себя неуютно и неуверенно. Если естественный мир ясен и предсказуем, то сверхъестественное неосяземо, призрачно, непредсказуемо, произвольно и граничит с волшебством. Все, что касается Бога, не вписывается в рамки современной науки, и, следовательно, скептики отвергают Его. Чтобы сохранить удобство и надежность, которые им обеспечивают эти рамки, в которых они себя замкнули, они относят Бога к области фантазий.

Крепко закрыв глаза, они желают, чтобы сверхъестественного не было, хотя они и не располагают доказательствами того, что оно не существует. Но разумно ли закрывать глаза на возможную истину только потому, что она нам не нравится? Если это истина, от нее нельзя просто отмахиваться. Бессмысленно настаивать, что того, чего вы не видите, не существует, потому что вы хотите, чтобы его не было. Ныне покойный астроном Карл Саган, открывая свое телевизионное шоу «Космос», заявил: «Космос — это всё, что есть, что было, и что будет». Такие заявления обнаруживают догматичность и крайнюю самонадеянность. Как человек может быть уверен в том, что кроме вселенной, описанной наукой, больше ничего не существует? Это голословное утверждение основывается исключительно на мнении и необоснованной вере в безграничные возможности науки. Мы говорили о том, что есть слишком много такого, что наука бессильна объяснить, чтобы можно было позволить себе подобную безапелляционность. Если сверхъестественное существует, мы не можем рассчитывать на то, что легко разберемся в его проявлениях в естественном мире.

Антрополог и философ Лорен Айсли описывает, как он карандашом трогал паутину и наблюдал за реакцией паука. Паутина — это весь мир этого паука, который не имеет ни знаний о находящемся рядом человеке, ни способности осознать, что есть внешняя высшая сила, которая может вот так проникнуть в его мир.³ Для паука в силу ограниченности органов чувств человек непостижим, в то время

как тот может исследовать паука без всяких затруднений. Высший способен понять низшего, но не наоборот.

Будучи ограничены миром природы, почему мы не допускаем мысли о том, что вселенная может выходить за пределы возможностей наших органов чувств? Почему мы ожидаем, что надприродное будет подчиняться законам природы? Платон сказал, что духовный мир, представляющийся нашему взору несущественным и неустойчивым, может быть более значимым и прочным, чем наш. Наш мир может быть лишь отражением более значительной реальности. И то, что мы бессильны охватить сверхъестественное своим умом, не причина отрицать его существование.

Видение реальности

Допущение логичности существования Бога не равнозначно принятию христианского мировоззрения. В Библии есть много такого, что представляет трудность для понимания. Что-то можно объяснить, а что-то нельзя. Нужно ли полностью разобраться в этих трудностях, прежде чем поверить? Конечно, нет. Важно лишь принять Бога как вышедший абсолют, и, чтобы все остальное заняло свое место на этом основании, не требуется понимания всех деталей.

Когда мы становимся христианами, должны ли мы согласиться с другими христианами по всем вопросам библейского учения? Конечно, нет. Мало того, это невозможно, потому что среди христиан нет согласия по многим вопросам. На протяжении всей истории христианства верующие неодинаково понимали откровение, чудеса, молитву, провидение, боль, поклонение. Но они остаются едиными в том, что Бог есть Бог, и Христос есть Сын Божий. Осознав, что у нас под ногами надежный абсолют, мы можем отложить все второстепенное в сторону; оно не поколеблет нашей убежденности в основополагающей истине Его бытия.

И такой подход характерен не только для христиан. Подобным образом эволюционисты, преданные основной

идее своего учения, принимают на веру детали, которые не могут доказать. Многие верят, что недостающее звено однажды будет найдено, что кости представленные как останки предков человека, таковыми являются на самом деле, что пока не открытый принцип, противоположный энтропии, существует. Но различие между эволюционистами и христианами в том, что вера эволюционистов необоснованна. Она базируется на упрямой и отчаянной приверженности натуралистической философии. Нерациональная и несостоятельная, она опирается на аргументы, противоречащие здравому смыслу и несогласующиеся с реальностью. Это слепая вера, которая игнорирует разум и факты. Ей диаметрально противоположна вера в Бога. Когда в основании абсолют — Бог, все детали занимают свои места и складываются в единую рациональную картину мира, не расходящуюся с ощущаемой нами реальностью.

В самой идее Бога нет ничего, что противоречило бы фактам, здравому смыслу или науке. Наука говорит, что структурный уровень следствия не может быть выше уровня причины; креационизм говорит, что вселенная создана абсолютно превосходящим ее Богом. Наука формулирует принцип энтропии; креационизм утверждает, что изначально творение было совершенным, но ему был нанесен ущерб, и состояние его стало неуклонно ухудшаться. Наука говорит, что живое возникает из живого; креационизм говорит, что жизнь есть свойство вечного Бога, которое Он сообщил Своему творению. Нас побуждает к вере факт реальности жизни, и нерациональность идеи, что она могла возникнуть из неживой материи. Единственной возможной причиной ее возникновения может быть только самобытная первопричина, т. е. никто иной как Бог. Только креационизм не противоречит миропорядку и науке. Для того чтобы принять Бога как высший абсолют, разум не нуждается в эмпирических данных. И это достоверное рациональное заключение может послужить основой веры.

Если вы отвергаете Бога как абсолют и придерживаетесь натуралистической позиции, ваша картина мира не согласуется с научным представлением о мире. Живые существа

как будто соответствуют какому-то замыслу, законы как будто подчиняются порядку, моральный кодекс как будто принимается как норматив, понятие прекрасного как будто имеет смысл, доводы разума как будто имеют значение, и истина как будто правильна. Однако с точки зрения натуралистов все это нам лишь представляется. Они убеждают себя, что то, что кажется нам упорядоченным и осмысленным, есть бессодержательный и бесцельный механицизм.

Таким образом, есть не меньше оснований считать причиной жизни Бога, чем самодвижение вечной материи и вытекающую из него эволюцию. Если бы мы просто строили догадки, эти мнения можно было бы считать одинаково правдоподобными. Сторонники обеих точек зрения признают, что происхождение вселенной необъяснимо с позиций известных нам законов природы, и что причины находятся вне природы. В качестве следующего шага необходимо выяснить, которая из двух точек зрения больше соответствует реальности.

Как было продемонстрировано в предыдущих главах, наша способность мыслить, нравственность, совесть, упорядоченность мироздания, понятие прекрасного и смысла несомненно указывают на Бога. Из постоянного и видимого воздействия на наш мир мы можем достоверно заключить, что Он существует. Мы доказали, что разум, мораль, красота и цель не могли возникнуть в механистической вселенной. Считать иначе было бы совершенно иррационально, так как эволюция, не согласующаяся с законами науки, не может объяснить возникновение этих понятий.

Вера в Бога не только рациональна, но и объективно необходима.

Вопросы для размышления и обсуждения

1. В чем состоит смысл первого предложения Библии?
2. Как неверующие объясняют свое неприятие идеи сотворения мира Богом?
3. Почему креационизм более рационален, чем эволюционизм?
4. В чем ограниченность человеческого разума?
5. В чем суть истинной веры?
6. Каково соотношение веры и разума?
7. Какой должна быть позиция христиан в тех случаях, когда на вопросы нет ответов, недостает данных или существуют сомнения?

КАК ПОЗНАТЬ БОГА?

В какие-то моменты своей жизни каждый из нас чувствует пустоту в сердце, — нам чего-то не хватает, и мы не можем определить, чего. Мы ищем то, что принесло бы нам удовлетворение и ощущение значимости. Наверное, у каждого человека, рождающегося в этот мир, в подсознании записаны вопросы: *Кто я? Каково мое предназначение в жизни? Что произойдет со мной потом?* Мы не находим покоя, пока не идентифицируем себя, не узнаём свою цель и свою судьбу.

Когда мы находим верные ответы на эти три вопроса, наша жизнь обретает определенность. Мы можем предполагать, что натуралисты не найдут ни ответов, ни определенности. Рассуждения их будут строиться примерно таким образом:

Кто я? Я — результат действия случайных сил на вечно существовавшую мертвую материю. В сущности, во мне нет ничего, что делало бы меня более ценным, чем, скажем, камень, жук, дерево или что-то другое из существующего.

Каково мое предназначение? Поскольку вселенная возникла случайно, у нее нет никакой высшей цели. И так

как я тоже появился на свет в результате случая, у меня тоже нет цели.

Что произойдет со мной потом? Судьба предполагает предназначение, а поскольку идея цели в случайно образовавшейся вселенной иллюзорна, потом не произойдет ничего. И, как и вся вселенная, я бесследно уйду в небытие.

Конечно, такие ответы не принесут удовлетворения. И нет ничего удивительного в том, что люди, приверженные натурализму, продолжают интересоваться новыми идеями, философскими и психологическими системами, которые обещают им решение проблем.

В поисках трансцендентного

В поисках смысла люди часто выбирают пути, которые заводят в тупик.

Например, мы постоянно слышим, что ответ — **внутри** нас. Мы чувствуем одиночество и пустоту, — говорят нам, — не потому, что нам недостает трансцендентного, а потому что мы не сформировали адекватную я-концепцию. Такому самоопределению личности посвящены наши литература, психология, фильмы и даже юмор. Например, как вам нравится такая записка на двери офиса: «Ушел искать себя. Если я появлюсь до своего возвращения, передайте мне, чтобы я подождал, пока я вернусь»?

Популярная психология учит нас, что наше воспитание, социальные ожидания, религиозные ограничения и собственные невроты действуют таким образом, что прячут нашу истинную сущность под ролевыми масками, которые мы носим, чтобы соответствовать ожиданиям окружающих. Исполнение ролей настолько запутывает нас, что мы уже не знаем, что представляем собой в действительности. Когда же мы снимаем маски и открываем истинного себя, мы избавляемся от чувства отчужденности и восстанавливаем собственное «я».

Но в действительности этого не происходит. Самооценка и самореализация не заполняют пустоты. Хотя такие упражнения полезны как исходный пункт в понимании

своих нужд, открытие своей сущности не решает проблемы. Мы конечны, и пределы нашей сущности ограничены. Наше стремление к познанию смысла превосходит нашу способность к нему. Даже если мы нашли свое «я» и наслаждаемся открытием, этого не хватит надолго. Раньше или позже, погрузившись в глубины своей сущности, мы неизбежно обнаружим, что она слишком мелка, чтобы обеспечить нам непреходящее удовлетворение.

Другая распространенная точка зрения заключается в том, что ответ — **снаружи**. Текст старой рекламы пива «Живешь один раз — вкушай удовольствия!» — кредо материалистически-гедонистического подхода. Заполняя пустоту в жизни игрушками, развлечениями, положением, удовольствиями и достижениями.

Но это тоже не действует. Ничто из того, что окружает нас, не может удовлетворить нужду нашего сердца. В 70-х годах Пегги Ли записала песню о том, как мы пытаемся хватать удовольствия, но ловим пустоту. Она поет, как пробует найти удовлетворение в разных разрекламированных вещах, начиная с цирка (в детстве) и заканчивая любовью (в юности). Но ни одно из переживаний не приносит обещанного, и она задается вопросом: «И это все? Если больше ничего нет, будем продолжать танцевать». В этих словах звучит отчаяние — вывод, что пустота вечна, и ничего изменить нельзя. Ее нельзя заполнить ничем, и, чтобы не думать об этом, нам остается «продолжать танцевать». Отвлечься. Жить. Чем-то заниматься. Веселиться. Что-нибудь делать, что-нибудь покупать, что-нибудь пробовать — чтобы не смотреть в эту пропасть в душе.

Но это не поможет. Как урчание в желудке напоминает о том, что хочется есть, так и боль в душе будет привлекать ваше внимание, — что бы вы ни делали, стараясь не замечать ее.

Недостающий элемент

Если бы мы могли создать свою собственную истину и подтвердить ее своей верой в нее, мы смогли бы заполнить

пустоту в душе чем угодно. Но, что бы мы ни пробовали, этого оказывается недостаточно. Она поглощает все, что мы даем ей, и остается такой же ненасытной. Мы не можем создать свою реальность, потому что уже существует реальность истинная. И пустое место в нашем сердце расчитано на эту истинную реальность. Это как с головоломкой: на незаполненное место подойдет только один элемент. Пока вы не нашли именно его, картинка остается неполной.

Французский философ XVII в. Блез Паскаль назвал эту пустоту в человеческом сердце «сформированным Богом вакуумом». Он пришел к выводу, что внутренний голод не может быть утолен, пока человек не обратится к Богу как к тому недостающему элементу, который и должен заполнить пустоту. Бог — высший абсолют, придающий осмысленность жизни каждого человека. Бог — краеугольный камень в ее основании, обеспечивающий ее устойчивость и цельность.

В этой книге мы говорили о том, как разум неизбежно приводит человека к осознанию необходимости существования Бога. Мы пояснили, что на достоверности этой истины основывается вера в Бога, Который есть высший абсолют и источник всего сущего. Теперь мы хотим рассказать вам об этом Боге: кто Он, каковы Его свойства, и какие отношения Он желает иметь с нами. Именно в близких отношениях с Ним мы и находим ответы на вопросы о себе, своем предназначении и своей дальнейшей судьбе. Познав Его лично, мы сможем познать в ощущениях ту определенность, которая открылась разуму.

Многие люди представляют себе Бога неким отстраненным существом, обитающим где-то там далеко, но Библия открывает нам совсем другого Бога. Единый по существу Абсолют, Он троичен в Лицах. Во взаимоотношениях внутри Божества осуществляется бесконечная любовь. В отношениях Трех Личностей к миру открывается и безграничная Божья любовь к творению.

Как супружеские пары хотят иметь детей, так и три лица Божества желали распространения любви, свойствен-

ной их взаимоотношениям. Поэтому по Своему образу и подобию Бог создал человека — мужчину и женщину, — кого любил бы Он, и кто любил бы Его. В первых людей Бог вдохнул Свой дух [Быт 2:7], стал сущностью их жизни, наполнив ее смыслом и любовью. Имея полноту жизни, согласно Божьему замыслу, прародители жили в состоянии неизменной радости.

Библейское описание взаимоотношений Бога и людей дает нам представление, какими они должны быть по Божьему замыслу. Бог выступает как отец, как брат, как любимый и как пастырь, который заботится о своих овцах. В Библии отношения между Богом и Его народом часто описываются как супружество. Идея всех этих метафор ясна: Бог желает иметь с созданным им человеком такие отношения, для которых характерны были бы радость и теплота.

По Его замыслу любовь должна быть движущей силой всего творения. Он создал человека, чтобы тот распространял любовь, которую Бог проливает на него. Мы предназначены для отношений не только с Ним, но и друг с другом. Эти отношения могут принимать самые разные выражения: соседка одалживает стакан сахара, приятели соревнуются на спортивной площадке, близкий друг готов вас выслушать, родители дружат с детьми, супруги преданы и близки друг другу... Мы буквально расцветаем в таких отношениях, потому что человек был создан для них.

Такая любовь к Богу и другим людям придает смысл человеческой жизни. Пока первые люди поддерживали близость с Богом, Его любовь наполняла их и давала возможность сохранять гармоничные отношения друг с другом и со всем сотворенным миром. Осмысленная жизнь приносила им полное удовлетворение, и люди не ощущали недостатка ни в чем.

Испорченные отношения

Несомненно, что-то произошло. Современная реальность далека от идиллической картины мира, купающегося

в блаженной гармонии. Если Бог хотел, чтобы между людьми были совершенные взаимоотношения, то почему они далеки от таковых? Почему радость и полнота так недостижимы? Почему поиски Бога проходят с такими трудностями? Ответ на эти вопросы состоит в следующем: Божий план был расстроен в результате события, которое христиане называют грехопадением.

Человек сам нанес себе смертельную рану, злоупотребив полученной от Бога свободой. Мы все знаем, что невозможно заставить любить. Чтобы любовь была подлинной, нужно, чтобы обе стороны захотели любить по собственной воле. Бог создал человека, чтобы тот любил Его и был носителем Его образа, но не принудил его к этому. Мужчина и женщина имели возможность сделать выбор между Богом, радостью и полнотой, которые дает Он, и собой и собственным путем — путем боли, отчужденности, горя и смерти, которые являются следствиями отчуждения от Бога.

Как это ни печально, пришел день, когда люди прислушались к голосу, соблазнившему их поступить по-своему. И Бог не препятствовал им: Он предоставил им возможность самим искать свой путь.

И тогда люди обнаружили в своей жизни пустоту. Без Бога их жизнь потеряла значимость. Прошло всего несколько поколений и люди, сосредоточившиеся на себе, практически забыли о Боге. Они уже не понимали, что потеряли, и не знали, как можно узнать, кто они и в чем их предназначение. Они остались с пустотой в душе и с готовностью заполнить ее чем угодно, чтобы ослабить ощущение недостатка.

Лишившись своей основы — крепких и жизненно важных отношений с Богом — все человеческие взаимоотношения оказались в расстройстве. И теперь люди похожи на спицы поломанного велосипедного колеса, которые пока держатся на ободе, но уже отцеплены от втулки. Они болтаются, потому что не скреплены с центральным элементом. Так же и люди, не имея связи с Богом, потеряли основу взаимоотношений друг с другом. Каждый человек

сам стал для себя богом и абсолютom и обеспокоен лишь защитой своих собственных интересов.

Естественно, эти частные интересы плохо стыкуются друг с другом. Когда каждый индивид сам отмечает границы территории, которую считает своей, и защищает их, между людьми нет близости. Сосредоточенность на себе стимулирует гордыню, эгоизм, отчужденность, гнев и ненависть, которые характерны для человечества на протяжении всей его истории.

Восстановление отношений

Можно было бы ожидать, что Бог умоет руки и обратит Свое внимание на какую-то более благодарную цивилизацию где-нибудь на другом конце галактики. Но, как это не удивительно, Он этого не сделал. Как греческий скульптор Пигмалион, Бог полюбил Свое творение и не желает терять его. Отказавшись от Бога в пользу себя, человек обрек себя на смерть, но Бог решил спасти его.

Иисус Христос, второе лицо Божества, пришел на землю, облекшись в человеческую плоть, умер на римском кресте и воскрес. Этим деянием смерть была побеждена, и человек получил возможность восстановить отношения с Богом. Воскресение Христа есть твердая гарантия того, что всякий вернувшийся к Богу обретет жизнь в обновленной близости с Ним.

Почему же этого не происходит? — спросите вы. Если Бог приходил на землю, чтобы восстановить отношения любви с нами, то почему они не восстановлены? Почему Его так трудно найти? Почему люди все еще не знают о Нем и продолжают искать, чем заполнить пустоту в сердце?

Бог уважает нашу свободу и не нарушает ее. Мы сами захотели изгнать Бога из своей жизни, и, хотя никто не смог бы устоять перед Его волей, Он не станет возвращаться в нашу жизнь силой. Естественный мир изобилует свидетельствами Его существования. Указания на это мы имеем и из области сверхъестественного. И Бог ожидает от нас сознательного выбора между нашим «я» и Им.

Приверженность своему «я» объясняет присутствие зла в мире. Сделав свой выбор, первые люди впустили зло в мир добра. Но Бог предоставляет нам возможность вернуть добро в мир зла. Несмотря на испорченность мира, мы можем впустить Бога в свою жизнь, восстановить нарушенные отношения и таким образом обрести истинную любовь и цель.

Учитывая грехопадение и его последствия, можно понять, почему Бога нелегко найти. Но мы понимаем также, что проблема не в Нем. Несмотря на множество свидетельств Божьего бытия, мы продолжаем заниматься собой, своими желаниями, и мы слишком заняты, чтобы видеть Его. Как животные не понимают, когда мы указываем им на что-то пальцем, так и мы не понимаем, что сама природа указывает нам на Бога. Когда мы ищем Его, Он оборачивает события и обстоятельства таким образом, чтобы подтолкнуть нас к Себе. Хотя мы часто остаемся слепыми к Его подсказкам, Он остается рядом и готов войти в нашу жизнь, чтобы заполнить пустоту в нашем сердце.

Разум помогает нам найти Бога и дает рациональное обоснование веры, но мы чувствуем Бога не умом. «Не разум воспринимает Бога, — сказал Паскаль, — но сердце».¹ Рассудок подтверждает существование Бога, а затем действует сердце. Именно сердцем мы ощущаем полноту жизни и радость от прекрасного, близости с окружающими, любви — всего, что придает ей смысл. Человеческое сердце обретает покой только тогда, когда любящий Бог снова занимает Свое место в нем и наполняет его Своей любовью.

Сердце настолько сильно ощущает неполноту, что иногда идет впереди разума. Один мой знакомый, бывший агностик, рассказывал мне, что пока его ум пытался разобраться в аргументах в пользу и против Бога, его сердце потянулось к личности Иисуса Христа. Его настолько привлекла идея, что где-то там может быть кто-то, кто любит его без всяких предварительных условий, что он не мог забыть этого. Действительно, истина обладает такой силой, что способна волновать сердце непосредственно, минуя рассудок.

Определенность Божьей любви

Нет ничего удивительного в том, что убежденные рационалисты отвергают идею непреходящей безусловной любви. Человек XXI века не воспринимает сверхъестественного Создателя галактик, который облекся в человеческое тело и воскрес из мертвых. Для него это один из тех древних мифов, которые рассказывали о смерти богов, о жертвах для их умиловствления.

На самом деле сходство истории Христа с древними мифами указывает на ее достоверность. Тема жертв и смерти богов характерна для мифологии, потому что она затрагивает то, что падшее человечество всегда осознавало. Люди всегда чувствовали свою отчужденность от богов, независимо от того, каким богам они поклонялись, и смутно ощущали, что примирение возможно только благодаря жертве бога или выдающегося человека. Все эти мифы выражали признание проблемы и ожидание ее разрешения.

И вот в какой-то момент истории произошло событие, ставшее исполнением мифов. Бог на самом деле сошел с небес и жил на земле как человек. Он был казнен за человеческие преступления, через три дня воскрес и вознесся на небеса, победив смерть и разорвав завесу, отделявшую человека от Бога.

Почему из всех подобных мифов нужно считать правильным именно христианский вариант? Потому что он отличается от прочих так же, как звук отличается от эха и дерево — от своей тени. Библейские события произошли в определенное время и в определенном месте. Они были подтверждены незаинтересованными историками. Кроме того, приход Христа и многие события Его жизни были предсказаны — включая такие детали как время и место — задолго до того, как они произошли.²

Заявление, что сверхъестественный Бог вошел в естественный мир, умер и воскрес, поражает, но у нас больше оснований ему верить, чем не верить. Не следует делать ошибку и ждать, пока все элементы встанут на свои места, чтобы после этого поверить. Изучая такую безмерную реальность,

мы подобны слепцам, исследовавшим слона. В силу своей ограниченности наш разум неспособен охватить всю истину. У нас всегда будут оставаться вопросы о Боге, о том, почему существует боль, что такое ад. Мы будем находить в Библии места, которые покажутся нам противоречивыми.

Если мы хотим получить ответы на эти вопросы, мы их найдем. А когда какие-то из них не удовлетворяют нас, мы должны понимать, что можем познать Бога не намного полнее, чем паук может познать своего исследователя. Часто за нашим несогласием с чем-то скрывается убеждение, что Бог должен думать, как мы, и должен был устроить мир так, как мы себе его представляем. Если же он отличается от нашего идеала, мы воображаем, что имеем право отрицать существование его творца. Рациональна лишь такая позиция, когда второстепенные вопросы поглощаются верой в основополагающую истину: Бог есть; Он определяет реальность; Он послал Своего Сына на смерть ради меня; Он меня любит.

На протяжении большей части истории люди верили в сверхъестественное. Неверие в него пришло с рационалистической убежденностью во всемогущество опыта. Когда ученые набрались храбрости объявить, что не существует ничего, кроме того, что они могут эмпирически исследовать, вера в сверхъестественное стала синонимом суеверия. Модернисты смотрели на прошлое с высокомерием, свойственным отношению просвещенного человека к невежде: чего, дескать, можно было от них ожидать. То есть, такое отношение характерно не исключительно для нашего времени. Во все времена новое мировоззрение считалось превосходящим прежние. Сейчас постмодернисты убеждены в непогрешимости своей точки зрения, согласно которой безнадёжно неправильны все остальные.

Мы признаём, что мировоззрение (которое у каждого свое) действительно влияет на объективность, но вселенная являет нам истины настолько монолитные, что они превосходят любые системы взглядов. Допустим, нам трудно полностью отказаться от характерной для модернизма веры в эмпиризм, но мы не можем не признавать реаль-

ность истин, которые не под силу рационалистическому осмыслению. Туман постмодернизма может застилать наш взор, но контуры высшего абсолюта проглядывают сквозь любой туман.

Этот высший абсолют есть также ваш личный абсолют. Каким бы невероятным это ни представлялось, но Бог вселенной любит вас лично и хочет, чтобы вы обратились к Нему. Он желает иметь с вами близкие отношения, которые внесут в вашу жизнь определенность, смысл, полноту и радость, которые вы не можете себе представить. Он есть абсолют не только для всего мироздания, но и для вашей жизни и вашего счастья. Решение за вами.

«Как я стал верующим», — Джоз МакДауэлл РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

Можете мне поверить: я знаю, что вы чувствуете. Мне знакомы все ваши сомнения и несогласие со сказанным в этой книге. В течение многих лет я тоже не там искал ответы на вопросы: кто я, каково мое предназначение в жизни и что произойдет со мной потом.

Сначала я ударился в религию. Я ходил в церковь утром, днем и вечером. Но чего-то мне не доставало. И я отказался от религии как от пустого и бессмысленного суеверия. Я стал искать ответы в образовании, но скоро понял, что университетские профессора не могут найти ответы на вопросы, как и я. Тогда я стал стремиться к престижным должностям в студенческом городке, но известность скоро померкла, а пустота внутри так и осталась незаполненной.

В то время я познакомился с группой из восьми студентов и нескольких преподавателей, у кого, как мне показалось, такой проблемы не было. Они всегда держались очень уверенно, но без высокомерия. Они очень доброжелательно относились друг ко другу и к окружающим. Меня тянуло к этим людям, и скоро я подружился с ними.

Во время одной из наших встреч я прямо спросил у одной девушки: «Что сделало вас такими непохожими на других?»

Она посмотрела мне в глаза и сказала то, что редко можно услышать в студенческих городках: «Иисус Христос».

Думаю, яотреагировал не слишком вежливо. Опять Иисус Христос, Бог, религия — из всего этого я уже вырос. Эту болтовню могут воспринимать серьезно люди доверчивые, суеверные и необразованные, но не я. Во всяком случае, сейчас, когда я знаю, что не могу верить в то, что неприемлемо для моего интеллекта. Примерно так я ей ответил.

К моему удивлению, мои новые друзья приняли вызов. Они предложили мне самому рассмотреть имеющиеся данные — объективно исследовать утверждение, что Иисус Христос есть Сын Божий. Сначала я воспринял это как шутку, но когда увидел, что они говорят совершенно серьезно, я согласился. В конце концов, я изучал юриспруденцию, имел некоторое представление о том, что такое доказательства, и решил доказать им, что их религия основана на обмане.

Вы сами можете догадаться, что было дальше. Я старался найти доказательства того, что Библии нельзя доверять. Это оказалось труднее, чем я предполагал, но поиск увлек меня. После нескольких месяцев тщательных изысканий я был вынужден признать, что из всех древних документов Ветхий и Новый Заветы являются самыми достоверными. И тогда я оказался лицом к лицу с заявлениями Христа.

Как видите, меня привлекла к Богу не Библия и не доказательства ее достоверности, а Его любовь, проявившаяся в жизни нескольких христиан, которые приняли меня. Эта любовь через друзей-христиан и привела меня к Христу. На основании фактов исторических документов я понял умом, что Иисус, живший на земле две тысячи лет назад, — истинно Бог. Но смягчила мое сердце и привела меня к Нему Его любовь.

В результате своих поисков я оказался перед кардинальным вопросом. Если то, что говорил Христос о Себе — правда, то как исходя из этого я должен поступить?

Я понял, что Он стучится в мое сердце и говорит: «Я тебя люблю и хочу иметь близкие отношения с тобой. Я хочу от-

крыть тебе цель жизни и дать определенность, которую ты давно пытаешься найти». И я откликнулся на Его призыв.

Я обнаружил, что истина — это не абстрактная идея и не философское понятие. Истина есть свойство сущности Бога, и мы познаём ее в отношениях с Богом во плоти — Иисусом Христом. Бог — конечный пункт нашего поиска себя, цели, полноты и любви. Он — окончательный ответ на все вопросы и объект человеческих устремлений. И это правда как для меня, так и для вас.

Ваш поиск определенности мог начаться иначе, чем мой, и мог повести вас по другому пути. Для меня было важным убедиться, что Библия заслуживает доверия. Возможно, вам нужно разобраться с чем-то другим, что мешает вашему уму принять истину, прежде чем вы поверите в нее.

Я надеюсь, что то, чем мы поделились с вами в этой книге, поможет вам убрать эти препятствия и понять, что на вопросы об истине и определенности есть только один ответ. Это единый истинный Бог, Который есть объективная реальность и высший абсолют вселенной.

Если молитва, которой когда-то помолился я, отражает сокровенные желания вашего сердца и ума, она может помочь в поиске и вам:

«Господи Иисусе, Ты нужен мне. Открой мое сердце для истины, которую Ты хочешь, чтобы я нашел. Я благодарю Тебя за то, что Ты умер за меня на голгофском кресте. Я хочу довериться Тебе как своему Спасителю и Господу. Сделай меня таким, каким Ты предназначил мне быть. Во имя Иисуса Христа. Аминь».

Вопросы для размышления и обсуждения

1. КАКИЕ основополагающие вопросы задает себе КАЖДЫЙ человек?
2. Где люди ищут ответы на эти вопросы? Почему они ищут их там напрасно?
3. Чего недостает человеческому сердцу?
4. В чем суть взаимоотношений внутри Божества и отношения Бога к миру?
5. Какова причина грехопадения? Как оно повлияло на наши отношения с Богом и окружающими?
6. Если Бог предусмотрел восстановление отношений с Ним, то почему человеку так нелегко Его найти?
7. Откуда мы знаем, что история Христа не один из мифов?
8. Каким образом высший абсолют является нашим личным абсолютом?

Примечания

ГЛАВА 2

1. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык.
2. Некоторые элементы знания являются очевидными и не нуждаются в подтверждении, например, математика или логика. В нашей книге мы не рассматриваем вопросы гносеологии.
3. Натурализм — это взгляд на мир, согласно которому природа выступает как единый и универсальный принцип объяснения всего сущего, исключаящий все сверхъестественное.
4. Клайв Степлз Льюис. Человек отменяется // file:///G:/BibleQuote/Book_Lewis/abolition.htm

ГЛАВА 3

1. Г.К. Честертон. Рассказы. — М.: Правда, 1989. — С. 21.

ГЛАВА 4

1. Richard Taylor, *Ethics, Faith, and Reason* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1985), 2–3.
2. Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. — Т. 14. — Л.: Наука, 1976. — С. 64-65.
3. William Lane Craig, "The Indispensability of Meta-Ethical Foundations for Morality," *Foundations* 5 (1997): 9–12.
4. Taylor, *Ethics, Faith, and Reason*, 7.
5. Декларация независимости США, принятая 04.07.1776 г. 2-м Континентальным конгрессом / Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О. А. Жидкова. — М.: Прогресс-Универс, 1993.

ГЛАВА 5

1. Rick Gore, "The Once and Future Universe," *National Geographic* 163, no. 6 (June 1983): 748.
2. John Updike, "The Future of Faith: Confessions of a Churchgoer," *The New Yorker* (November 29, 1999): 88.
3. William Ernest Henley, "Invictus."
4. Aldous Huxley, "Confessions of a Professed Atheist," *Report: Perspective on the News*, vol. 3 (June 1966): 19.

ГЛАВА 6

1. George John Romanes, *Thoughts on Religion* (Chicago: Open Court Publishing Co., 1895), 29.
2. Клайв С. Льюис. Серебряное кресло. — М.: Огонек-Вариант, 1991. — С. 93-94.
3. Гражданская война 1861–1865 г. г.
4. Американская поэзия XIX–XX века в русских переводах. — М.: Радуга, 1983. — С. 237.

ГЛАВА 7

1. Мы ничего не имеем против «эволюции» в узком смысле слова, которая состоит в приспособлении видов к условиям существования, выведении новых пород и т. д. Мы возражаем против эволюции в широком смысле, как о представлении о происхождении жизни и видов. В гл. 7 этот термин используется именно в этом смысле.
2. Thomas Hayden, "A Theory Evolves," U.S. News and World Report (July 29, 2002): 43.
3. Phillip E. Johnson, *Objections Sustained* (Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1998), 20.
4. Robert Jastrow, *God and the Astronomers* (New York: Norton, 1978).
5. Robert Jastrow, *The Enchanted Loom* (New York: Simon & Schuster, 1981), 19.
6. Thomas Huxley, quoted in Leonard Huxley, *Life and Letters of Thomas Henry Huxley*, vol. 2 (London: Macmillan, 1903), 429.
7. Pierre-Paul Grassé, *Evolution of Living Organisms* (New York: Academic Press, 1977), 31.
8. Colin Patterson, in a letter to Luther Sunderland, April 10, 1979; quoted in: Luther D. Sunderland, *Darwin's Enigma: Fossils and Other Problems* (El Cajon, Calif.: Master Books, 1988), 89.
9. Richard Dawkins, *The Blind Watchmaker* (New York: Norton, 1986), 229.
10. Charles Darwin, quoted in H. Enoch, *Evolution or Creation* (London: Evangelical Press, 1968), 139.
11. Mark Ridley, "Who Doubts Evolution," *New Scientist* 90, no. 1259 (June 25, 1981): 831.
12. Malcolm Muggeridge, "Pascal Lectures," given at University of Waterloo, Ontario, Canada, 1978.
13. D. M. S. Watson, "Adaptation," *Nature* (August 10, 1929): 233.
14. George Wald, "Innovation and Biology," *Scientific American* 199 (Sept. 1958): 100.

15. Richard Lewontin, "Billions and billions of demons," The New York Review of Books (January 9, 1997): 28.
16. Sir Fred Hoyle, The Intelligent Universe (London: Michael Joseph, 1983), 20.
17. Michael Ruse, quoted by Tom Woodward in "Ruse Gives Away the Store," see <<http://www.leaderu.com/real/ri9404/ruse.html>>.

ГЛАВА 8

1. Edwin A. Abbott, Flatland (New York: Dover Publications, 1952).
2. J. P. Moreland, Love Your God with All Your Mind (Colorado Springs, Colo.: NavPress, 1997), 25.
3. Loren Eiseley, "The Hidden Teacher" in The Unexpected Universe (New York: Harcourt Brace, 1964), 117.

ГЛАВА 9

1. Blaise Pascal, Pensées (1660), W. F. Trotter, trans., <<http://www.ccel.org/p/pascal/pensees/pensees.htm>>, (Section IV: The Means of Belief, 278).
2. Подробнее о пророчествах и свидетельствах рождения, смерти и воскресения Христа см. Джош МакДауэлл. Неоспоримые свидетельства. — М.: Slavic Gospel Press, 1991.

Об авторах

Джош МакДауэлл не собирался становиться апологетом христианской веры. Напротив, он ставил перед собой противоположную цель. В Kellog College (шт. Мичиган) несколько студентов предложили ему, скептику, самому исследовать положения христианства. Он принял вызов, намереваясь доказать недостоверность Библии и заявлений Христа о Своей божественности. Сделанное открытие коренным образом изменило его жизнь. Он обнаружил, что Библия — это самый надежный из древних документов, и что истинность слов Христа объективно подтверждается. Оказавшись лицом к лицу с истиной о Христе и Слове Божьем, он уверовал в Христа, как Сына Божьего и своего Спасителя.

Джош перешел в Wheaton College и получил степень бакалавра филологии. Затем он получил степень магистра богословия в Talbot Theological Seminary (шт. Калифорния). С 1964 г. он работает в Campus Crusade for Christ и в настоящее время является международным представителем этой организации. Он уделяет большое внимание вопросам, которые волнуют молодежь сегодня.

Джош МакДауэлл выступал в 84 странах. Его слушали более 7 миллионов молодых людей, в том числе в 700 университетах. Он является автором и соавтором более чем 60 книг, общий тираж которых составляет 30 млн. экземпляров. Самые известные из них — «Не просто плотник», «Неоспоримые свидетельства», «Доказательства воскресения», «В поисках определенности».

Джош женат более 30 лет и имеет четверых детей. В настоящее время он и его жена Дотти живут в г. Даллас (шт. Техас).

Томас Уильямс собирался стать служителем, но занялся живописью и писательством. Он написал 7 художественных, богословских и драматических произведений, среди которых *The Crown of Eden*, *The Devil's Mouth* (*Seven Kingdoms Chronicles* series). Ему принадлежит студия, и за 12 лет он выполнил художественное оформление более 1200 христианских изданий. В течение 14 лет он был художественным редактором издательства «Word Publishing». Пять раз он был удостоен награды «Christian Booksellers Association» за лучшее оформление обложки. Написанный им портрет Клайва Льюиса входит в Wade Collection в Wheaton College. Сейчас он все свое время посвящает написанию книг и оказывает консультационную помощь издателям.

Том Уильямс ведет занятия в своей церкви и дважды занимал там руководящую должность. У него трое замужних дочерей и восемь внуков. В настоящее время он с женой Фэй проживают в г. Грэнбери (шт. Техас).

СОДЕРЖАНИЕ

Есть ли разница, во что я верю?	7
Истина об истине	
Что должно быть в основе моей веры?	19
Необходимость абсолюта	
Могу ли я быть уверенным в правильности своего мнения?	31
Абсолют как основа разума	
Кто определяет, что правильно?	45
Абсолют как основа нравственности	
В чем смысл?	61
Абсолют как основа смысла жизни	
Почему мы любим наблюдать за закатом солнца и слушать музыку?	71
Абсолют как основа прекрасного	
Возникла ли вселенная в результате космической случайности?	87
Иррациональность эволюционизма	
Иррациональность эволюционизма Рациональность веры	107
Соотношение веры и разума	
Как познать Бога?	119
Определенность — в отношениях	
Примечания	133
Об авторах	137

СОГЛАСУЕТСЯ ЛИ МОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ С ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ?

И ВАЖНО ЛИ ЭТО?

Мы все стремимся к определенности в жизни. Безусловно, такую определенность дает уверенность, что мы правильно понимаем окружающую нас действительность. Однако в наше время очень популярно мнение, что все точки зрения имеют право на существование. Как следствие, 88% американцев сейчас не верят в нравственный абсолют. Все большее распространение получает постмодернистская идея, что истина непознаваема или она не существует вообще. И такая неопределенность приносит свои плоды: все больше людей не видят смысла в жизни, чувствуют растерянность, тревогу и даже отчаяние.

А что думаете вы?

Книга «В поисках определенности» ставит перед собой цель подчеркнуть важность познания истины и помочь в ее поиске. Доступным языком Джош МакДауэлл и Том Уильямс раскрывают несостоятельность модных утверждений, что все «истины» равны, что у добра и зла нет абсолютных оснований, и что смысл может существовать отдельно от Бога. Авторы подводят читателя к неизбежному выводу, что высшая истина не в философской концепции, а в личности Бога. И только близкие отношения с Ним, Кто есть Абсолютная Истина, внесут в вашу жизнь смысл и определенность.